

Захватывающий роман, вдохновивший на создание
фильма с Клинтом Иствудом в главной роли!

HUFFINGTON POST

**МАЙКЛ
КОННЕЛЛИ**

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ **85 000 000** ЭКЗЕМПЛЯРОВ КНИГ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

КРОВАВАЯ РАБОТА

Звезды мирового детектива

Майкл Коннелли
Кровавая работа

«Азбука-Аттикус»

1997

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Коннелли М.

Кровавая работа / М. Коннелли — «Азбука-Аттикус»,
1997 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-24864-9

Агент ФБР Терри Маккалеб досрочно вышел в отставку, чтобы восстановиться после операции по пересадке сердца. Пусть серийных убийц теперь ловят другие... Но когда выясняются некоторые обстоятельства смерти его донора, поставившие в тупик полицию, он решает рискнуть и провести собственное расследование. У Терри сразу возникают сомнения в том, что жизнь молодой женщины, застреленной при ограблении магазина, оборвала случайная пуля. Похоже, это была дьявольская инсценировка, придуманная расчетливым и невероятно жестоким убийцей. Маккалеб выходит на его след, не догадываясь, что тот подстроил ему ужасную ловушку... «Кровавая работа» удостоилась премий «Энтони» и «Макавити», а во Франции в 1999 году получила Grand Prix de Littérature Policière – высшую литературную награду как лучший зарубежный детективный роман. В 2002 году на киностудии «Warner Bros.» по мотивам книги Коннелли был снят одноименный фильм. Режиссер и исполнитель главной роли – Клинт Иствуд.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-24864-9

© Коннелли М., 1997

© Азбука-Аттикус, 1997

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Майкл Коннелли

Кровавая работа

Последние ее мысли были о Реймонде. Совсем скоро они увидятся. Он, как обычно, проснется и обнимет ее своими теплыми крепкими ручонками.

Она улыбнулась, и мистер Кан за прилавком улыбнулся в ответ, уверенный, что ее лучезарная улыбка предназначена ему. Он улыбался ей каждый вечер, не догадываясь, что все ее помыслы сосредоточены на Реймонде, на предвкушении скорой встречи.

Звяканье колокольчика над дверью почти не отложилось в ее сознании. Она достала две купюры по доллару и протянула их мистеру Кану. Однако тот не взял деньги и смотрел почему-то не на нее, а на дверь. Его улыбка померкла, рот приоткрылся, словно в попытке сказать что-то.

Сильные пальцы стиснули ее плечо. Левый висок обожгла холодная сталь. Все вокруг потонуло в ослепительно-яркой вспышке. Перед глазами промелькнуло умильное личико Реймонда, и мир погрузился во тьму.

Глава 1

Маккалеб засек ее еще издалека. Шагая по главному доку, мимо пришвартованных яхт миллионеров, он увидел на корме «Попутной волны» женщину. Субботнее утро выдалось теплым, и к половине одиннадцатого на побережье Сан-Педро всю толпился народ. Маккалеб заканчивал обязательную утреннюю прогулку: через всю пристань Кабрийо, вдоль мола и обратно. Он уже порядком запыхался, однако на подступах к яхте замедлил и без того неспешный шаг. В первые секунды им овладела злость: незнакомка вторглась на его судно без приглашения. Однако злость быстро сменилась любопытством. Интересно, что это за особа и зачем пожаловала.

Незваная гостья была одета отнюдь не для морской прогулки. Свободное летнее платье едва прикрывало колени. Прохладный бриз норовил задрать подол, и незнакомке приходилось придерживать его одной рукой. Судя по напряженным мышцам загорелых ног, она предпочла обуви на плоской подошве шпильки. Похоже, дамочка вырядилась нарочно, чтобы произвести впечатление.

Сам Маккалеб одевался неброско. Старые джинсы, протертые от долгой носки, а не в угоду моде. Футболка с логотипом позапрошлого года состязания по ловле марлинов. Вся одежда была в пятнах: преимущественно от рыбьей крови, крови самого Маккалеба, морской соли, полиуретана и машинного масла. В таком наряде удобно и рыбачить, и работать, а Маккалеб как раз собирался посвятить выходные ремонту яхты.

Поравнявшись с «Попутной волной» и как следует разглядев незнакомку, он слегка устыдился своего затрапезного вида и, стянув поролоновые наушники, выключил CD-плеер на середине «Я не суеверный» Хаулина Вулфа.

– Вам помочь? – окликнул Маккалеб, не успев подняться на борт.

Вздрогнув, женщина отвернулась от стеклянной раздвижной двери в салон, куда она, по всей видимости, отчаялась достучаться.

– Здравствуйте. Мне нужен Террел Маккейлиб.

Маккалеб окинул ее оценивающим взглядом. Красивая, чуть за тридцать, на добрый десяток лет моложе его самого. Что-то неуловимо знакомое чудилось в ее облике. Наверное, дежавю. Последние сомнения рассеялись, стоило Маккалебу присмотреться. Определенно, он видит ее впервые в жизни. У него великолепная память на лица, а такую красотку трудно забыть.

Она неверно произнесла его фамилию: «Маккейлиб» вместо «Маккалеб», и назвала его полное имя, Террел, чем обычно злоупотребляли репортеры. Теперь все ясно. Очередная заблудшая душа явилась не по адресу.

– Маккалеб, – поправил он. – Терри Маккалеб.

– Извините. Я... хм... подумала, что вы внутри. Боюсь, с моей стороны было не слишком вежливо вторгаться на палубу без приглашения.

– Однако вас это не остановило, – буркнул Маккалеб.

Она пропустила упрек мимо ушей и продолжила, словно заранее отрепетировала свою речь:

– Мне необходимо с вами поговорить.

– Простите, но я немного занят.

Он кивнул на открытый люк, куда, по счастью, не провалилась гостья, и на инструменты, разложенные на прорезиненной ткани у транцевой кормы.

– Я битый час бродила по пристани в поисках вашей яхты. Не волнуйтесь, много времени это не займет. Меня зовут Грасиэла Риверс, и я хотела...

– Послушайте, мисс Риверс, – перебил Маккалеб. – Мне в самом деле... Вы прочли обо мне в газете?

Женщина кивнула.

– Прежде чем вы поведаете свою историю, должен предупредить: вы не первая и не последняя, кто является сюда или обрывает мне телефон. Однако от меня вы услышите то же самое, что и остальные: мне не нужна работа. Если вы надеялись нанять меня или получить консультацию, сожалею, но ничего не выйдет. Я больше не занимаюсь расследованиями.

Грасиэла молчала, и он невольно посочувствовал ей, как сочувствовал всем просителям до нее.

– Мисс Риверс, у меня на примете есть пара толковых детективов. Отличные ребята, не халтурят и не обдирают клиентов как липку.

Маккалеб взял с кормового планшера солнечные очки, забытые им перед прогулкой, и водрузил их на нос, всем своим видом давая понять, что разговор окончен. Однако на гостью это не произвело ни малейшего впечатления.

– В статье сказано, вы блестящий специалист. И не выносите, когда преступление остается безнаказанным.

Маккалеб сунул руки в карманы и пожал плечами.

– Вы не учли крохотный нюанс. Я никогда не работал в одиночку. У меня были напарники, эксперты и статус агента ФБР. Поверьте, один в поле не воин. Разница огромная. Поэтому при всем желании я никак не могу вам помочь.

Грасиэла кивнула, словно соглашаясь с его доводами. Обнадеженный Маккалеб мысленно переключился на ремонт клапанов, который собирался завершить за выходные, но, как выяснилось, гостья и не думала отступать.

– Я надеюсь, вы поможете мне. И себе заодно.

– Деньги меня не интересуют. Не бедствую.

– Речь не о деньгах.

Маккалеб пристально посмотрел на нее.

– Не понимаю, о чем вы, – сердито откликнулся он, – но повторюсь: поищите другого исполнителя. Я не действующий агент и тем более не частный детектив. Без лицензии мне нельзя заниматься расследованиями и брать деньги от частных лиц. Вы ведь читали газеты, знаете, что со мной случилось. Мне даже машину водить запрещено.

Он кивнул на парковку, отделенную от причала узкой тропой.

– Видите автомобиль, упакованный, как подарок под елкой? Это мой. Ждет, пока врач снова разрешит мне сесть за руль. Ну и какой из меня детектив? На автобусе много не накатаешь.

Но Грасиэла Риверс точно оглохла. Ее упертость начинала действовать на нервы. Маккалеб уже отчаялся выпроводить дамочку с яхты.

– Сейчас напишу вам контакты.

Обойдя женщину, Маккалеб шагнул в салон и, плотно прикрыв за собой дверь, чтобы оградиться от навязчивой гостьи, стал рыться в ящиках штурманского стола в поисках записной книжки. Он не пользовался ею так давно, что успел забыть, куда положил. Сквозь прозрачную створку было видно, как Грасиэла неспешно двинулась на корму и прислонилась к поручню.

Отражающая пленка на двери не позволяла разглядеть, что творится в салоне, и Маккалеб мог спокойно наблюдать за женщиной, не боясь разоблачения. Все-таки поразительно знакомое лицо. Он присмотрелся повнимательнее. От красоты Грасиэлы захватывало дух. В темных миндалевидных глазах читалась грусть и одновременно понимание, словно их обладательница знала какую-то тайну. Маккалеб непременно запомнил бы ее, даже встретив мельком. Однако, сколько он ни напрягал память, все было тщетно. Наметанным глазом он отме-

тил отсутствие обручального кольца. Его догадки насчет обуви оказались верны: на Грасиэле были босоножки на двухдюймовом пробковом каблучке. Розовый лак на ногтях подчеркивал смуглую кожу. Интересно, она всегда так выглядит или нарядилась нарочно, чтобы убедить его взяться за работу?

Записная книжка обнаружилась во втором ящике. Маккалеб быстро отыскал в ней Джека Лэвелла и Тома Кимбалла, нацарапал их имена и телефоны на старой рекламной листовке местной судомастерской и поспешил на палубу. Увидев его, Грасиэла открыла сумочку. Маккалеб протянул ей листок.

– Очень рекомендую. Лэвелл много лет проработал в полиции Лос-Анджелеса, сейчас на пенсии, а Кимбалл из федералов. Я неоднократно пересекался с ними по службе, оба – отличные профессионалы. Выбирайте любого, не пожалеете. Когда будете звонить, скажите, что от меня.

Игнорируя листовку, Грасиэла достала из сумочки фото и протянула ему. Маккалеб машинально взял снимок и тут же осознал всю чудовищность своей ошибки. На снимке девушка с улыбкой наблюдала, как мальчуган задувает семь свечей на именинном пироге. На мгновение Маккалеб подумал, что на фотографии запечатлена сама Риверс, только несколькими годами моложе, но, присмотревшись, понял, что ошибся. У девушки со снимка было более округлое лицо, не такие пухлые губы. По красоте она явно уступала Грасиэле. Однако их родство выдавали глаза – темно-карие, правда девушка на фотографии не обладала таким пронзительным взглядом, которым Маккалеба буравила гостя.

– Ваша сестра?

– Да. С сыном.

– Который из них?

– Простите?

– Который из них мертв?

Вопрос стал второй ошибкой. Еще немного, и он увязнет по уши. Надо было молча всучить ей листовку с телефонами и выпроводить на берег.

– Моя сестра. Глория Торрес. Мы звали ее Глори. А это ее сын, Реймонд.

Кивнув, Маккалеб попытался вернуть фотографию, однако Грасиэла и не думала ее забирать, видимо надеясь, что сейчас он начнет выяснять подробности. Но бывший агент не клюнул на удочку.

– Мисс, угомонитесь. Я прекрасно понимаю, чего вы добиваетесь, но со мной этот номер не пройдет.

– Хотите сказать, вам чуждо сострадание?

Маккалеб ответил не сразу, стараясь подавить закипающий гнев.

– Совсем не чуждо. Вы ведь читали статью, знаете, что со мной случилось. Именно сострадание довело меня до беды.

Ему наконец удалось побороть раздражение и неприязнь к Грасиэле. Нетрудно догадаться, какие адские муки она испытывает. Маккалеб повидал сотни людей, у которых жестокая судьба отняла близких, а преступники так и не были найдены и наказаны, расследования убирались в долгий ящик. Многие родственники уподоблялись зомби. Раздавленные, утратившие почву под ногами. Потерянные души. Грасиэла Риверс тоже была из их числа, иначе не нагрянула бы сюда. Не стоит осуждать ее или злиться, а уж тем более отыгрываться на ней за собственные несчастья.

– Послушайте, мисс Риверс, я действительно не могу вам помочь. Извините.

Маккалеб взял ее за предплечье, намереваясь проводить к трапу. Под теплой, бархатистой кожей ощущались стальные мышцы. Он снова попытался отдать ей фото, но Грасиэла упрямо покачала головой.

– Пожалуйста, взгляните на него. Последний раз, и я уйду. Неужели вы ничего не чувствуете?

Маккалеб развел руками, дабы подчеркнуть бессмысленность происходящего.

– Я бывший агент ФБР, а не телепат.

Тем не менее он демонстративно поднес снимок к глазам. Девушка и мальчик сияли от счастья. Семейное торжество. Семь свечей на торте. Маккалеб невольно вспомнил, что в его семь родители еще не развелись. Впрочем, развод не заставил себя долго ждать. Однако сейчас его куда больше занимал ребенок. Страшно вообразить, каково это – лишиться матери.

– Мисс Риверс, я очень вам сочувствую. Очень. Но вы обратились не по адресу. Заберите фотографию.

– У меня есть копия. Ну, знаете, две по цене одной. Я подумала, вы захотите оставить второй экземпляр себе.

Маккалеб вдруг почувствовал себя пловцом, угодившим в подводное течение. Ситуация начинала выходить из-под контроля. Он понимал: стоит ему сделать шаг навстречу, задать очевидный вопрос, и поток увлечет его неведомо куда.

Однако искушение было слишком велико.

– Зачем мне оставлять фотографию, если я отказываюсь от расследования?

Грасиэла грустно улыбнулась:

– Затем, что моя сестра спасла вам жизнь. Мне казалось, вам будет интересно узнать, как она выглядела, какой была.

Маккалеб невидящим взглядом уставился на Грасиэлу Риверс, а внутренним взором шарил по закоулкам памяти, силясь соотнести сказанное с хранившейся там информацией, но тщетно.

– О чем вы говорите? – выдавил он, чувствуя, как нити разговора и все прочее ускользают от него к Грасиэле.

Течение подхватило его, как соломинку, и увлекло в открытое море.

Грасиэла протянула руку, но не затем, чтобы забрать фото, и, коснувшись его груди, нащупала под футболкой узловатый рубец. Потрясенный Маккалеб даже не пытался ей помешать – просто застыл как вкопанный.

– Ваше сердце. Это сердце моей сестры. Она спасла вас от смерти.

Глава 2

Краем глаза Маккалеб различал монитор. На зернистом черно-сером экране сердце походило на мерцающий фантом, клипсы и скобы, перекрывающие кровеносные сосуды, напоминали темную картечь, застрявшую в груди.

– Почти, – раздалось над правым ухом. – Еще немного.

Бонни Фокс. От ее голоса веяло спокойствием, чуткостью и профессионализмом. Вскоре в рентгеновском поле возникла дрожащая линия зонда, которая уверенно подбиралась к сердцу. Маккалеб зажмурился, предвкушая ненавистный рывок – по заверениям врачей, совершенно неощутимый, но в действительности совсем наоборот.

– Терри, расслабься. Процедура абсолютно безболезненная.

– Угу.

– Не разговаривай.

В следующий миг Маккалеб почувствовал рывок – так дергает удочку, когда ушлая рыба, проглотив приманку, срывается с крючка. Приоткрыв глаза, он увидел, что тонкая леска зонда засела глубоко в сердце.

– Ну вот и все. Идем обратно. Терри, ты молодец.

Бонни похлопала его по плечу. Зонд извлекли, разрез на горле закрыли марлевой повязкой. Открепили ортез, фиксирующий голову под жутко неудобным углом. Маккалеб осторожно вытянул шею, помассировал затекшие мышцы. Через мгновение над ним склонилась улыбающаяся Бонни Фокс.

– Как самочувствие?

– Неплохо. Особенно теперь, когда все позади.

– Я отлучусь ненадолго. Проверю анализы и отнесу пробы в лабораторию.

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Успеется. А пока отдыхай.

Пару минут спустя медсестры покатали кровать Маккалеба из рентген-операционной в лифт. Мерзко, когда с тобой обращаются как с инвалидом. Маккалеб прекрасно дошел бы сам, но это противоречило правилам. После сердечной биопсии пациент должен оставаться в горизонтальном положении. У каждой больницы свои правила, а в Седарс-Синае их количество просто зашкаливало.

Его везли в отделение кардиологии на шестом этаже. Путь пролегал через восточное крыло, мимо палат, где какие-то счастливчики уже восстанавливались после пересадки сердца, а те, кому повезло меньше, только ждали своей очереди. Проезжая мимо очередной палаты, Маккалеб заметил парнишку, подключенного к аппарату искусственного кровообращения. Мужчина в деловом костюме сидел возле койки и смотрел на мальчика невидящим взглядом. Маккалеб отвел глаза. Парнишка обречен, аппарат лишь оттягивает неизбежное. Совсем скоро мужчина в костюме – скорее всего, отец – будет таким же взглядом смотреть на гроб.

Добравшись до нужной палаты, медсестры перетащили Маккалеба на койку и удалились. Оставшись один, он приготовился к долгому ожиданию. Фокс появится часов через шесть – в зависимости от расторопности лаборантов и наплыва пациентов у доктора.

Впрочем, Маккалеб знал, как скоротать время. Потертая кожаная сумка, в которой он когда-то носил ноутбук и бесчисленные папки с делами, была доверху набита старыми журналами, специально припасенными на такой случай.

Бонни Фокс объявилась спустя всего два с половиной часа. Маккалеб отложил экземпляр «Судового ремонта».

– Быстро ты!

- Жаль, в лаборатории не спешат. Как самочувствие?
- На шее как будто потопталась рота солдат. Результаты уже готовы?
- Ага.
- Ну и?

– Могу порадовать: отторжения нет, все показатели в норме, – говорила Бонни, попутно раскладывая на прикроватном столике распечатку с анализами и перепроверяя обнадеживающие цифры. – Словом, я довольна. Думаю, через неделю можно снизить дозировку преднизона.

Последняя реплика относилась к тщательно подобранному комплексу препаратов, которые Маккалеб принимал два раза в сутки. Восемнадцать пилюль утром и еще шестнадцать – вечером. Аптечка на яхте не вмещала такое количество бутылочек и флаконов. Пришлось запахнуть их в ящик для снастей в передней каюте.

- Отлично. Надоело бриться три раза на день.

Сложив распечатку, Фокс взяла со столика планшет и быстро пробежала глазами список вопросов, на которые Маккалебу полагалось отвечать в каждый свой визит.

- Температура?
- Нет.
- Диарея?
- Бог миловал.

Дотошность Бонни объяснялась легко: лихорадка и расстройство желудка считались основными симптомами отторжения трансплантата. Маккалеб измерял температуру, давление и пульс минимум дважды в день.

- Все основные показатели в норме. Наклонись чуть вперед.

Убрав планшет, Бонни подышала на стетоскоп и послушала сердце в трех местах со спины. Потом велела Маккалебу лечь и повторила процедуру спереди. Приложив два пальца к шее, проверила пульс, не отводя глаз от циферблата наручных часов. В процессе Бонни придвинулась к нему вплотную, и Маккалеб уловил аромат духов с апельсиновыми нотками, которые ассоциировались у него со старушками. Хотя доктору Фокс до старости было еще далеко. Маккалеб исподтишка наблюдал за ней, пока она следила за секундной стрелкой.

- Ты никогда не задумывалась, стоит ли вообще этим заниматься?
- Не разговаривай.

Бонни уже проверяла пульс на запястье. После сняла со стены тонометр, обернула вокруг предплечья пациента манжету и измерила давление.

- Отлично, – нарушила она затянувшееся молчание.
- Что не может не радовать.
- Стоит ли заниматься чем?

Маккалеб привык к манере Бонни в самый неожиданный момент возобновлять прерванный разговор и не забывать ничего из сказанного. Миниатюрная, примерно его лет, с рано поседевшими короткими волосами, Бонни Фокс носила белый, чересчур длинный для нее халат, чьи полы доходили ей почти до щиколоток. Нагрудный карман украшала схематическая вышивка сердечно-сосудистой системы – эмблема кардиохирургов. На каждом осмотре Бонни была сама сосредоточенность. При этом она буквально излучала уверенность и чуткость – крайне редкое сочетание для докторов, а за последние годы Маккалеб повидал их немало, поэтому старался платить Бонни той же монетой. Он симпатизировал ей и доверял. Был период, когда в глубине души он сомневался, стоит ли верить свою жизнь в руки этой хрупкой, как статуэтка, женщины. Однако сомнения быстро развеялись, уступив место стыду. Когда день пересадки наконец настал, улыбающееся лицо Бонни было последним, что видел Маккалеб, прежде чем его ввели в наркоз. На тот момент у него не осталось и тени сомнений. С той же улыбкой Бонни встретила его после операции – перерожденного, с новым сердцем.

За восемь недель в процессе реабилитации не возникло ни единого сбоя, и это лишь укрепляло веру в профессионализм Бонни. За три года общения между ними установилась тесная связь, выходящая далеко за рамки стандартных отношений «врач – пациент». Маккалеб искренне считал Бонни другом и надеялся, что это взаимно. Они неоднократно обедали и увлеченно спорили обо всем на свете, начиная от клонирования и заканчивая судом над О. Джем Симпсоном¹. Маккалеб тогда выиграл у Бонни сотню долларов, угадав первичный вердикт. Из-за непоколебимой веры в правосудие доктор Фокс совершенно не учла расовую подоплеку дела, очевидную опытному агенту ФБР.

Каким бы ни был предмет спора, Маккалеб неизменно занимал противоположную сторону, просто чтобы подстегнуть дискуссию. Сейчас Бонни сопровождала свой вопрос выразительным взглядом, давая понять, что готова к очередной баталии.

– Стоит ли вообще заниматься этим. – Маккалеб обвел рукой палату, явно подразумевая всю клинику. – Извлекать органы у одних, пересаживать их другим. Иногда я чувствую себя современным Франкенштейном, собранным из нескольких человек.

– Не драматизируй. Тебе пересадили единственный орган, взятый у одного человека.

– Но орган немаловажный, согласишься? Знаешь, все агенты ежегодно сдают норматив по стрельбе. Ну, стреляют по мишеням. Первый разряд присваивают тем, кто попадает в сердце. Голова по очкам ценится ниже. Всадил пулю в сердце – выбил десятку. Высший балл.

– Опять завел шарманку, что мы заигрались в Господа Бога? Я думала, это пройденный этап.

Улыбнувшись, Бонни покачала головой, однако ее улыбка вскоре померкла.

– Терри, не темни. Что стряслось?

– Не знаю. Наверное, комплекс вины.

– Вiniшь себя за то, что выжил?

– Не знаю.

– Хватит валять дурака. Мы ведь это обсуждали. У меня нет времени на комплекс выжившего. Собственно, выбор очевиден. На одной чаше весов жизнь, на другой – смерть. Нетрудно угадать, какая перевесит. Так из-за чего терзаться?

Маккалеб поднял руки, признавая свое поражение. Бонни умела разложить все по полочкам.

– Старая песня, – продолжала она, раздосадованная его быстрой капитуляцией. – Два года ты ждал донора, был буквально на волосок от смерти, а теперь вздумал посыпать себе голову пеплом? Терри, выкладывай, что случилось. И не пытайся пудрить мне мозги.

Маккалеб только вздохнул. Бонни видела его насквозь. Таким талантом обладали самые выдающиеся агенты и полицейские, с какими ему доводилось сталкиваться по службе. Поразмыслив, он решил сказать правду.

– Просто не совсем понимаю, почему ты умолчала, что женщина, чье сердце мне пересадили, была убита.

Судя по реакции Бонни, услышанное стало для нее шоком.

– Убита? О чем ты?

– Ее убили.

– Как?

– Подробности не знаю. Все произошло во время ограбления продуктового магазина в Вэлли. Выстрел в голову. Женщина погибла, а мне досталось ее сердце.

– Вся информация о донорах конфиденциальна. Откуда ты узнал?

¹ О. Джем Симпсон – американский футболист и актер, обвиняемый в убийстве супруги и ее любовника. После нескольких судебных процессов был оправдан. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Ее сестра приходила ко мне в субботу и все рассказала... Это в корне меняет ситуацию, согласишься?

Бонни опустила на койку и сурово посмотрела на Маккалеба.

– Во-первых, я понятия не имела, откуда взялось твое сердце. Нам такое не сообщают в принципе. Все согласовывается через национальную базу доноров. Нас лишь уведомили, что найден донор с подходящей группой крови для реципиента, который значится первым в нашем списке. То есть для тебя. Сам знаешь, как работает донорская база. Всем кандидатам на трансплантацию показывают фильм. Нас уведомляют по минимуму, так лучше, поверь. Только ключевые сведения. В твоём случае: женщина, если не ошибаюсь, двадцати шести лет. Великолепное здоровье, полное совпадение группы крови – идеальный донор. Вот и все.

– Извини. Я думал, ты знала и нарочно утаила от меня правду.

– Нет, не знала. Скажу больше, никто не знал. Отсюда напрашивается закономерный вопрос: если даже врачи не в курсе биографии твоего донора, как ее сестра вышла на тебя? Думаю, здесь какая-то афера...

– Исключено.

– С чего такая уверенность?

– Неделию назад в воскресном выпуске «Таймс» обо мне опубликовали статью в разделе «Как сложилась судьба». Там говорилось, что пересадку мне провели девятого февраля и долго не могли найти донора из-за редкой группы крови. Сестра убитой прочла заметку и сопоставила факты. Она знала, когда погибла ее сестра, знала, что ее сердце пожертвовали на трансплантацию, знала группу крови. Ну а как медсестре отделения экстренной хирургии в клинике Святого Креста ей не составило труда меня вычислить.

– Тем не менее где гарантия, что именно ее сестра...

– Еще у нее было мое письмо, – перебил Маккалеб.

– Какое письмо?

– Анонимная благодарность семье донора. Его пишут все реципиенты, а клиника рассылает адресатам. У этой женщины было мое письмо. Мое, точно. Я проверил.

– Уму непостижимо, – пробормотала Бонни. – Ну и чего добивается эта женщина? Денег?

– Если бы денег... Неужели ты не поняла? Она хочет, чтобы я нашел убийцу ее сестры. Полиция в тупике. Прошло два месяца, а расследование так и не сдвинулось с мертвой точки. Еще немного, и дело положат на полку. Родственница жертвы прочла обо мне в газете, где в красках расписано мое героическое прошлое, и решила, что я сумею сделать то, что не удалось полиции. Сумею напасть на след. Только вообрази, в субботу она битый час бродила по набережной Сан-Педро, имея в качестве ориентира лишь название яхты. И все-таки смогла меня разыскать.

– Терри, это безумие. Скажи, как зовут эту даму, я обязательно свяжусь...

– Очень тебя прошу, не вмешивайся. Представь себя на ее месте. Уверен, ты бы поступила точно так же.

Бонни возмущенно вскочила с койки:

– Ты ведь не собираешься в это лезть.

Реплика звучала как утверждение, предписание лечащего врача. Маккалеб промолчал, и его молчание было красноречивее любых слов. Бонни сердито поджала губы.

– Слушай меня очень внимательно. Никаких расследований, забудь. Всего два месяца после пересадки, а ты вздумал носиться по городу, изображая из себя детектива?

– Я пока ничего не решил. Просто обещал ей подумать. Риски мне известны. А еще мне известно, что я уже не действующий агент. Это огромная разница.

Бонни с негодованием скрестила тонкие руки на груди.

– Здесь нечего думать. Как твой лечащий врач, я категорически запрещаю тебе в это соваться. Слышишь? Категорически. Терри, ты должен ценить второй шанс, подаренный тебе судьбой, – уже мягче добавила она.

– Двоякая ситуация. Как ни крути, своим шансом я обязан именно этой женщине. Если бы не она, не ее сердце, лежать бы мне в могиле. Поэтому...

– Ты не обязан ни ей, ни ее родне ничем, кроме благодарственного письма. И только. Пойми наконец, она бы все равно умерла, просто так случилось, что ее сердце досталось тебе, а не кому-то другому.

Маккалеб кивнул, мысленно соглашаясь с ее доводами, однако на душе по-прежнему было тревожно. Иногда одной логики мало, чтобы унять бурю, которая происходит глубоко в душе. Бонни, казалось, прочла его мысли.

– Что опять не так?

– Не знаю. Наверное, я не был готов к такому повороту событий. Вбил себе в голову, что донор непременно окажется жертвой несчастного случая. Именно так нам преподносили это перед трансплантацией. Разве не твои слова: девяносто девять несчастных случаев приводят к смертельной травме головного мозга, не затрагивая при этом остальные органы? Автокатастрофа, неудачное падение с лестницы или с мотоцикла. Но убийство! Согласись, это в корне меняет дело.

– Терри, ты заладил. «Меняет, меняет». С чего бы? Сердце – самый обыкновенный орган, биологическая помпа. Какая разница, как умер его обладатель?

– Большая. С аварией еще можно смириться. Все два года ожидания, пока я пытался свыкнуться с мыслью, что ради моего спасения кому-то придется умереть, меня утешало, что катастрофа – это судьба, рок. Однако убийство подразумевает злой умысел. Это уже не трагическая случайность. Получается, меня спасло чужое злодеяние. А это, доктор, уже все меняет.

Спрятав руки в карманы халата, Бонни молчала, по-видимому признавая его правоту.

– Всю жизнь я посвятил борьбе со злом, – тихо добавил Маккалеб. – Это была моя работа, с которой я неплохо справлялся, однако в конечном итоге зло оказалось сильнее, и наше противостояние едва не стоило мне жизни. Я надеялся, что покончил с ним, и вот сейчас стою здесь, перед тобой, с новым сердцем, с подаренным мне, как ты выразилась, вторым шансом, – стою только потому, что зло опять свершилось.

Он перевел дух, прежде чем продолжить:

– Девушка пришла в магазин купить шоколадку своему сыну – и погибла. Это совершенно другое, понимаешь? Или я слишком сумбурно изъясняюсь?

– Логике пока не улавливаю.

– Для меня логика как раз есть, просто я еще не переварил до конца. Чувствовать чувствую, а словами выразить не могу.

– Я знаю, что у тебя на уме. – Бонни неодобрительно поморщилась. – Ты рвешься в бой, рвешься восстановить справедливость. Ты не готов. Физически точно. А судя по твоему эмоциональному состоянию, тебе даже автокатастрофу расследовать нельзя. Помнишь, я говорила про баланс между физическим и эмоциональным здоровьем? Одно подпитывает другое. Боюсь, твой нынешний настрой может здорово подорвать все процессы в твоём организме.

– Понимаю.

– Нет, не понимаешь. Речь идет о твоей жизни. Если что-то не заладится, велик риск возникновения инфекции или отторжения. Медицина тут бессильна, Терри, никто тебя не спасет. Мы почти два года ждали для тебя сердце, а ты обращаешься с ним так бесцеремонно. Думаешь, легко будет найти новое, с идентичной группой крови? Да ничего подобного! Сейчас в отделении лежит пациент на аппарате, и ты запросто мог оказаться на его месте. Судьба даровала тебе шанс, Терри. Не упусти его!

Наклонившись, Бонни коснулась его груди. Маккалебу сразу вспомнилась Грасиэла Риверс, он до сих пор ощущал тепло ее ладони.

– Скажи этой женщине «нет». Пожалей себя.

Глава 3

Луна покачивалась в небе, точно подвешенный за ниточку воздушный шар, а десятки мачт страховочной сеткой поддерживали ее снизу. Маккалеб наблюдал, как желтый диск постепенно скрылся за тучами где-то в районе острова Каталина. Неплохое убежище, не хуже прочих, размышлял он, рассеянно глядя в опустевшую чашку из-под кофе. Вернуть бы времена, когда он сидел на корме с бутылкой пива в одной руке и с сигаретой – в другой. Однако с курением пришлось проститься по очевидным причинам, а огромные дозы лекарств не допускали ни капли алкоголя в ближайшие несколько месяцев точно. Всего одна бутылка пива – и он бы умер с похмелья, как выразилась Бонни Фокс.

Маккалеб поплелся в салон, уселся на камбузе, но быстро встал, включил телевизор и начал бесцельно щелкать по каналам. Потом вырубил «ящик» и принялся разбирать завалы на штурманском столе, но и там не обнаружил ничего интересного. Маккалеб слонялся взад-вперед, прикидывая, чем бы заняться. Как назло, ничего не шло на ум.

Раздосадованный, он спустился по узкой лестнице в ванную, достал из аптечки градусник, встряхнул и сунул под язык. По какой-то причине Маккалеб не доверял электронному термометру, которым его снабдили в клинике и который по-прежнему лежал в коробке нераспакованный. Старые добрые ртутные градусники куда надежнее.

Остановившись перед зеркалом, Маккалеб расстегнул воротник рубашки и внимательно изучил разрез, сделанный перед очередной биопсией. Он никогда не затянется. Из-за короткого промежутка между взятием проб ткань просто не успевала нарастать. Эта отметина останется с ним навсегда, как и тринадцатидюймовый шрам на груди. Рассматривая свое отражение, Маккалеб вспоминал отца. Вспоминал незаживающие рубцы, татуировками въевшиеся в шею, – отголоски лучевой битвы, которая лишь отсрочила неизбежное.

Температура была в норме. Маккалеб сполоснул градусник под краном, убрал его в аптечку и снял с крючка для полотенец планшет с припиленным к нему графиком температур. Записал дату, время, а в последней графе поставил очередной прочерк: уже который день цифры были без изменений.

Повесив планшет обратно на крючок, Маккалеб наклонился к зеркалу и заглянул себе в глаза – зеленые, с серыми крапинками и едва заметными алыми сосудиками на роговице. Потом отступил на шаг и, сбросив рубашку, всмотрелся в уродливый бледно-розовый шрам. У Маккалеба вошло в привычку подолгу изучать свое отражение. Он никак не мог смириться с тем, в кого превратился, с тем, какую жестокую шутку сыграл с ним организм. Кардиомиопатия. Как объяснила Бонни Фокс, дремлющий вирус в стенках сердца годами подпитывался стрессом и в результате неудачного стечения обстоятельств развился в смертельную патологию. Впрочем, слова доктора не могли смягчить горечь осознания, что прежний Маккалеб исчез навсегда. Всякий раз в зеркале он видел незнакомца, побитого жизнью инвалида.

Натянув рубашку, Маккалеб двинулся в переднюю каюту – треугольное помещение, повторяющее форму носа яхты. У левого борта стояла двухъярусная кровать, у правого высились составленные друг на друга контейнеры и ящики. Маккалеб переоборудовал нижний ярус под письменный стол, а на верхнем хранил картонные коробки, набитые папками со старыми делами. На торцах коробок значились названия расследований: «Поэт», «Шифровщик», «Зодиак», «Полнолуние», «Бреммер». Две были отведены под «Глухари». Перед уходом из Бюро Маккалеб снял копии почти со всех своих дел – и с раскрытых, и с нераскрытых. Коллеги закрыли глаза на это злостное нарушение регламента. Терри сам не понимал, зачем ему эти тонны макулатуры. После отставки он даже не притрагивался к коробкам. Может, когда-нибудь он напишет книгу или расследует какое-нибудь незавершенное дело. Однако по большей части коробки служили наглядным и приятным доказательством, что жизнь прожита не зря.

Устроившись за столом, Маккалеб включил бра – и сразу уперся взглядом в свой жетон, его верный спутник на протяжении шестнадцати лет. Сейчас жетон висел в акриловой рамке, рядом с фотографией улыбающейся девчушки в брекетах. Фото пересняли со старого выпускного альбома. Отогнав тягостные воспоминания, Маккалеб обозрел захламленную столешницу.

Стопка счетов и квитанций, пластиковый портфельчик с медицинскими выписками, гора бумажных папок – преимущественно пустых, три рекламные листовки конкурирующих доков и руководство для швартующихся на пристани Кабрийю. Раскрытая чековая книжка поджидала хозяина, однако Маккалеб был не в настроении заниматься приземленными делами вроде оплаты счетов. Его обурежала жажда совершенно иной деятельности. Из головы не шел разговор с Грасиэлой Риверс, кардинально изменивший его размеренную жизнь.

Перебрав все бумаги, Маккалеб отыскал газетную вырезку, которая и привела Грасиэлу на борт его яхты. Он прочел статью в день выхода, аккуратно вырезал и постарался забыть. Но не вышло. После публикации «Попутная волна» стала местом паломничества для целой толпы сломленных, отчаявшихся людей. Мать девочки-подростка, чье обезображенное тело нашли на пляже в Редондо; родители, чей сын был обнаружен повешенным в квартире в Западном Голливуде; молодой парень, чья супруга отправилась в клуб на Сансет-Стрип и не вернулась. Ходячие мертвецы, обезумевшие от горя и утратившие веру в Бога, допускающего подобные зверства. Маккалеб не мог ни утешить их, ни помочь и просто отправлял восвояси.

Он согласился на интервью только потому, что был многим обязан журналистке. Киша Рассел неоднократно выручала его в прежние времена. В отличие от многих представителей писательской братии, она щедро делилась информацией и ничего не требовала взамен. Однако месяц назад Киша позвонила на яхту – напомнить о старом долге.

Киша вела в «Таймс» колонку «Как сложилась судьба». С момента выхода первой статьи – «Бывший агент в ожидании донорского сердца» – минул уже год, и удачно проведенная пересадка стала инфоповодом для продолжения. Маккалеб хотел отклонить приглашение, опасаясь привлечь лишнее внимание к своей скромной персоне, однако Рассел перечислила все те разы, когда она по просьбе агента замалчивала отдельные детали расследования или, напротив, освещала их в прессе. Выслушав ее аргументы, он понял, что не отвертится. Пора платить по счетам.

Публикацию заметки Маккалеб воспринял как окончательную точку в своей карьере. Героями рубрики обычно становились третьесортные политики, забытые широкой публикой, и знаменитости-однодневки, чьи пятнадцать минут славы остались в далеком прошлом. Время от времени там появлялись вышедшие в тираж телезвезды, которые переквалифицировались в агентов по продаже недвижимости или художников и тем самым якобы обрели свое истинное призвание.

Маккалеб развернул вырезку и углубился в чтение.

Новое сердце и новая жизнь бывшего агента ФБР

Автор – Киша Рассел, штатный корреспондент «Таймс»

Террел Маккалеб регулярно мелькал в вечерних новостях Лос-Анджелеса, а его слова цитировали все местные газеты. Однако всякое его появление на публике имело поистине жуткие предпосылки.

Агент Маккалеб считался ведущим специалистом по поимке серийных убийц, терроризировавших Лос-Анджелес и Западное побережье последний десяток лет.

В составе Межведомственной группы Маккалеб помогал координировать работу местной полиции. Не чурящийся камер, Террел никогда не лез за словом в карман, что сделало его любимцем прессы – к вящему неудовольствию местных правоохранительных структур и начальства в Куантико.

Однако два года назад Маккалеб полностью исчез с радаров. Он больше не носит ни пистолет, ни жетон и, по его собственным словам, окончательно простился с фирменной курткой агента, сменив ее на потертые голубые джинсы и рваную футболку.

Сейчас его можно застать не в кабинете, а на борту сорокадвухфутовой рыбацкой яхты «Попутная волна». Родившийся в Лос-Анджелесе и выросший в местечке Авалон на острове Каталина, Маккалеб временно обосновался на борту «Волны», бросившей якорь у побережья Сан-Педро, однако у него в планах отшвартовать судно в гавань Авалона.

По заверениям Маккалеба, недавно перенесшего трансплантацию, серийные убийцы и насильники сейчас занимают его в последнюю очередь.

Маккалеб в свои сорок шесть утверждает, что отдал сердце Бюро – по версии врачей, постоянный стресс спровоцировал появление вируса, который и привел к развитию болезни, – но ничуть не жалеет.

– Подобный опыт кардинально меняет человека, причем не только физически, – сообщил он на прошлой неделе в интервью нашему корреспонденту. – Меняется восприятие жизни в целом. Моя работа в ФБР осталась в прошлом. Судьба подарила мне второй шанс. Пока смутно представляю, как им распоряжусь, но совершенно не переживаю по этому поводу. Рано или поздно что-нибудь подвернется.

Правда, второго шанса могло и не случиться. Из-за редкой группы крови, присущей лишь одному проценту населения, Маккалеб дожидался донорского сердца почти два года.

– Он был на волосок от смерти, – поделилась с корреспондентом Бонни Фокс, кардиохирург, проводившая пересадку. – Мы могли потерять его в любой момент. Затялись поиск донора еще на два-три месяца, и организм просто не выдержал бы трансплантации.

Спустя всего восемь недель после сложнейшей операции Маккалеб чувствует себя великолепно. Он бодр и полон сил и лишь изредка вспоминает о будоражащих кровь расследованиях, которых на своем веку провел немало.

В послужном списке бывшего агента – самые отъявленные злодеи и жестокие маньяки. Среди них – Ночной сталкер, Поэт, Шифровщик, Душитель с Сансет-Стрип и Лютер Хэтч, получивший прозвище Могильщик из-за пристрастия наведываться на кладбище к своим жертвам.

Работая профайлером в особом отделе Куантико, Маккалеб специализировался на Западном побережье и часто вылетал в Лос-Анджелес, чтобы помочь местной полиции в расследовании громких дел. В конечном итоге руководство подразделения решило учредить здесь ведомственный филиал, и Маккалеб вернулся к родным пенатам. Переезд позволил ему вплотную заняться расследованиями, требующими вмешательства ФБР.

К сожалению, в любой профессии случаются неудачи, и накопившийся стресс дал о себе знать. Сердечный приступ настиг Маккалеба, когда он трудился допоздна в местном подразделении ФБР в Вествуде. Агента обнаружил ночной уборщик, по сути спасший ему жизнь.

Врачи поставили диагноз – прогрессирующая кардиомиопатия (ослабление сердечной мышцы) – и внесли Маккалеба в список на трансплантацию. Далее последовала отставка из Бюро по состоянию здоровья.

Маккалеб сменил агентурный пейджер на больничный, и 9 февраля пришло заветное сообщение: донор с необходимой группой крови найден. После шестичасовой операции в медицинском центре Седарс-Синай в груди Маккалеба забилося новое сердце.

Он пока не знает, чем займется помимо рыбалки. Бывшие коллеги (ныне частные сыщики) засыпали его предложениями о сотрудничестве, однако все свободное время Маккалеб посвящает ремонту «Попутной волны», двадцатилетней рыбацкой яхты, унаследованной от отца. Спустя шесть лет забвения судно наконец дождалось своего часа и теперь безраздельно владеет вниманием хозяина.

– Спешить мне некуда, ведь впереди еще уйма времени, – поясняет наш герой.

Бывший агент почти ни о чем не жалеет, но, как любому отставному детективу и заядлому рыбаку, ему не дают покоя те, кто сорвался с крючка.

– Жаль, мне не удалось раскрыть все дела, – признается Маккалеб. – Никогда не выносил, если преступник оставался безнаказанным. И сейчас не выношу.

Маккалеб мельком глянул на приложенную к статье фотографию, снятую еще в его бытность агентом и широко растиражированную прессой. На снимке, сделанном крупным планом, он дерзко смотрит в объектив.

Киша Рассел приехала на интервью не одна, а с фотографом, однако Маккалеб наотрез отказался позировать, предложив напечатать какое-нибудь старое фото. Просто не хотел, чтобы все увидели, в кого он превратился.

Конечно, глупо бояться, что обыватели заметят шрам, надежно скрытый под рубашкой. Да, Маккалеб похудел почти на тридцать фунтов, но главное, он утратил свой коронный взгляд – бесстрашный, разящий наповал не хуже пули. Именно эту утрату Маккалеб надеялся скрыть от публики.

Он сложил вырезку и убрал ее с глаз долой. Побарабанил пальцами по столешнице, косясь на стальной шип для бумаг, увенчанный клочком с нацарапанным номером Грасиэлы Риверс.

В былые времена Маккалеб обладал неиссякаемым запасом ненависти к тем, за кем охотился. Он воочию видел последствия их чудовищных преступлений и жаждал, чтобы те заплатили сполна за учиненные зверства. За кровавые дела полагается платить кровью. Поэтому агенты из отдела по расследованию серийных убийств называли свою работу кровавой. По-другому не скажешь. Маккалеб невыносимо мучился и терзался всякий раз, стоило кому-то улизнуть от расплаты.

То, что случилось с Глорией Торрес, терзало его. Он выжил ценой совершенного злодеяния. Грасиэла рассказала ему подробности. Глория погибла только потому, что оказалась между вооруженным грабителем и кассовым аппаратом. Незамысловатая, нелепая, несправедливая смерть. Маккалеб чувствовал себя в неоплатном долгу перед Глорией, ее сыном, перед Грасиэлой и даже перед самим собой.

Он снял телефонную трубку и набрал номер, оставленный Грасиэлой. Время было позднее, но ему не хотелось откладывать звонок. Наверняка Грасиэла не станет возражать.

После первого же гудка из трубки шепотом донеслось:

– Алло?

– Мисс Риверс?

– Да.

– Это Терри Маккалеб. Вы недавно...

– Да.

– Вам неудобно говорить?

– Нет-нет.

– Хм, ладно. В общем, я тут подумал... А вы просили позвонить вне зависимости от принятого мною решения.

– Да?

В единственном слове было столько надежды, что у Маккалеба защемило в груди.

– Короче, надумал я следующее. Мои, как вы выразились, навыки едва ли помогут в этом деле. Судя по вашему рассказу, ваша сестра погибла случайно, став невольной свидетельницей ограбления. Видите ли, я занимался серийными убийствами, вооруженные нападения – совершенно не мой профиль.

– Понимаю.

Надежда в голосе Грасиэлы явственно таяла.

– Нет, это не значит, что я отказываюсь. Наоборот. Собственно, завтра я собираюсь в полицейское управление, попробую выяснить все на месте. Только...

– Спасибо.

– Только очень сомневаюсь в успехе своего предприятия. Именно это я и пытаюсь до вас донести. Не хочется обнадеживать понапрасну. Убийство с целью ограбления... в общем, не моя специфика.

– Понимаю. Но спасибо, что не остались в стороне. Никто...

– Попытка не пытка, – пресек Маккалеб поток благодарностей. – Неизвестно, как встретит меня полиция Лос-Анджелеса. Может, развернут с порога, но попытаться стоит. Это меньше, что я могу сделать для вашей сестры. Хотя бы попытаться.

Воспользовавшись молчанием Грасиэлы, он уточнил кое-какие детали произошедшего и выяснил имена детективов, ведущих расследование. Минут через десять блокнот Маккалеба пополнился всей необходимой информацией, и в трубке повисла неловкая пауза.

– На этом, пожалуй, все, – откашлялся Маккалеб. – Я позвоню, если у меня возникнут дополнительные вопросы. Ну и вообще буду держать вас в курсе.

– Еще раз спасибо.

– Если кого и нужно благодарить, то не меня, а вас. Спасибо, что дали мне возможность заняться этим делом. Надеюсь, мне удастся вам помочь.

– Даже не сомневайтесь. В вашей груди бьется сердце Глори. Она укажет путь.

– Безусловно, – промямлил Маккалеб, не совсем понимая, о чем толкует Грасиэла и почему он поддакивает. – Я извещу вас, как только появятся какие-нибудь новости.

Он повесил трубку и, рассеянно глядя на телефон, силился разгадать смысл последней реплики. Потом снова пододвинул к себе статью и долго рассматривал свой портрет.

Наконец Маккалеб сложил вырезку, сунул ее под кипу конвертов и, задержавшись взглядом на девочке с брекетами, решительно кивнул. Потом потянулся к выключателю и погасил свет.

Глава 4

Трюк, который Маккалеб намеревался проделать, его коллеги по Бюро именовали «смертельным танго». Требовалась немалая сноровка, чтобы наладить контакт с местными полицейскими с их раздутым эго и ненавистью к чужакам. Кому понравится, когда посягают на твою территорию. Особенно без разрешения.

На своем веку Маккалеб не видел в убийном отделе никого, кто не обладал бы здоровым самолюбием. Высокая самооценка по праву считалась неотъемлемым атрибутом профессии. Нельзя браться за расследование без четкого осознания, что ты на порядок умнее, сильнее, суровее, талантливее и терпеливее противника. Нельзя ни на секунду сомневаться в успехе. Если колеблешься, сразу пиши рапорт о переводе, расследуй ограбления, патрулируй улицы и не отсвечивай.

К несчастью, самооценка коллег по цеху иногда зашкаливала до такой степени, что распространялась не только на преступников, но и на тех, кто пытался помочь сдвинуть дело с мертвой точки, – преимущественно на агентов ФБР. В убийном отделе скорее смирятся с очередным «глухарем», чем примут помощь или совет от федерала из Куантико. Маккалеб неоднократно наблюдал, как детективы кляли дело на полку и всячески вставляли палки в колеса тем, кто пытался отправить его на доследование. Он мог по пальцам пересчитать случаи, когда к нему обращались непосредственно старшие следователи. Зачастую инициатива исходила от начальства. Начальству плевать на чужую самооценку и уязвленное самолюбие, ему необходима раскрываемость для лучшей статистики. Маккалеб получал распоряжение сверху, являлся на вызов – и затевал танцевальный поединок со старшим следователем. Иногда партнеры двигались слаженно, в едином ритме. Но по большей части все сводилось к смертельному танго. Отдавливались ноги, страдало самолюбие. Маккалеб неоднократно ловил младших коллег на сокрытии информации и кожей ощущал их злорадство, когда «пронырливому федералу» не удавалось напасть на след преступника. Мелкие территориальные дразги правоохранительной системы. Но самое отвратительное – никто даже не думал о жертве и убитых горем родственниках. Они маячили где-то на периферии и зачастую не попадали в поле зрения.

По дороге в Управление полиции Лос-Анджелеса Маккалеб чувствовал, что смертельного танго не избежать. Хотя дело Глории Торрес зашло в тупик, его едва ли примут с распростертыми объятиями. Чужая территория – это святое. Вишенкой на торте – Маккалеб уже не мог сослаться на авторитет Бюро, а жетон, некогда открывавший перед ним любые двери, давно перекочевал из кармана на стену. Поэтому в половине восьмого утра Маккалеб стоял перед отделением Вест-Вэлли, имея при себе только кожаную сумку и коробку с пончиками. Достаточно для смертельного танго без музыки.

Памятуя о девизе убийного отдела «Раньше начнем, раньше закончим», Маккалеб нарочно явился ни свет ни заря. В такой час гораздо больше шансов застать в конторе обоих детективов, занятых делом Глории Торрес. Грасиэла снабдила его именами – Арранго и Уолтерс. С ними Маккалеб никогда не пересекался, однако несколькими годами ранее, выслеживая серийного убийцу по прозвищу Шифровщик, ему доводилось сотрудничать с их непосредственным начальником, лейтенантом Баскирком. Правда, доверительных отношений между ними не сложилось. Баскирк оставался себе на уме. Тем не менее Маккалеб счел за лучшее соблюсти протокол и обратиться сперва к лейтенанту, а через него, если повезет, добраться до Арранго и Уолтерса.

Отделение Вест-Вэлли располагалось на Оуэнсмаут-стрит в районе Резеда. Довольно странный выбор места для полицейского участка. Обычно их учреждали в неблагополучных районах, где царила преступность и вызовы на пультах приходили практически ежеминутно; высокие бетонные стены, возведенные перед входом, защищали обитель правопорядка от слу-

чайных перестрелок. Однако отделение Вест-Вэлли представляло собой совершенно иную картину – симпатичный буржуазный особнячок, не обнесенный ни стенами, ни забором. По одну сторону виднелась библиотека, по другую – зеленел прогулочный парк, солидная площадь перед входом была отведена под парковку. Через дорогу раскинулся классический фермерский поселок, какими славится долина Сан-Фернандо.

Выбравшись из такси, Маккалеб пересек вестибюль, уверенно отсалютовал офицеру за деревянной перегородкой конторки и твердой поступью направился в левое крыло, где, если верить его опыту, находился отдел по расследованию убийств.

Никто не задал ему ни единого вопроса, не пытался остановить, и это весьма обнадеживало. Может, причина крылась в коробке с пончиками, однако Маккалебу хотелось верить, что он еще не научился производить впечатление – впечатление человека при оружии и жетоне, хотя в действительности не располагал ни тем ни другим.

В отделе расследований на его пути выросла очередная конторка. Маккалеб перегнулся через нее и, вытянув шею, всмотрелся в стеклянное окошко на двери крошечного кабинета, принадлежавшего лейтенанту Баскирку. Кабинет был пуст.

– Вам помочь?

Из-за ближайшего стола к перегородке направлялся молодой офицер. Скорее всего, стажер. Обычно за конторкой дежурили отставники-добровольцы и полицейские, получившие тяжелые ранения или дисциплинарное взыскание.

– Мне нужен лейтенант Баскирк. Он здесь?

– Лейтенант на совещании в Вэлли. Вы по какому вопросу?

Значит, Баскирка вызвали в главное управление Вэлли в Ван-Найсе. План Маккалеба трещал по швам. Что предпринять? Остаться и ждать лейтенанта или наведаться чуть позднее? Вопрос: куда пойти? В библиотеку? Как назло, поблизости нет ни одной кофейни. Поразмыслив, Маккалеб решил попытать удачи с Арранго и Уолтерсом. Зачем терять время зря?

– А офицеры Арранго и Уолтерс из убийного отдела?

Дежурный покосился на расчерченную пластиковую доску, где напротив фамилий сотрудников ставились соответствующие галочки – «на месте», «отсутствует», «в отпуске», «в суде». Однако графы напротив Арранго и Уолтерса пустовали.

– Сейчас уточню, – кивнул дежурный. – Как вас представить?

– Маккалеб, но мое имя им ничего не скажет. Передайте им, что я насчет дела Глории Торрес.

Дежурный уселся за стол, набрал три цифры на внутреннем телефоне и, понизив голос до шепота, заговорил в трубку. Маккалеб сообразил, что не произвел на паренька должного впечатления. Разговор длился тридцать секунд, после чего офицер даже не удосужился встать со стула.

– Прямо по коридору, первая дверь направо.

Кивнув, Маккалеб забрал с конторки пончики и двинулся в указанном направлении. У самой двери сунул кожаную сумку под мышку, но не успел он взяться за ручку, как створка распахнулась и на пороге возник мужчина в белой рубашке при галстукке и с пистолетом в наплечной кобуре. Дурной знак. Детективы редко прибегали к оружию, а детективы из убийного отдела – и того реже. Увидев наплечную кобуру вместо более практичной поясной, Маккалеб сразу сообразил, что имеет дело с чрезмерно раздутым самомнением, и едва не застонал вслух.

– Мистер Маккалеб?

– Он самый.

– Я Эдди Арранго. Чем могу помочь? Дежурный сказал, вы по поводу Глории Торрес?

С трудом удерживая левой рукой и сумку, и пончики, Маккалеб обменялся рукопожатием с детективом.

– Совершенно верно.

Несмотря на невысокий рост, Арранго обладал внушительными габаритами. Латиноамериканец лет сорока пяти, с копной иссиня-черных, уже тронутых сединой волос, мускулистый, без намека на нависающий над ремнем живот, который успешно компенсировала кобура. Арранго заполонил собой весь дверной проем и, судя по всему, не собирался приглашать посетителя внутрь.

– Где мы можем побеседовать?

– Побеседовать? – скривился Арранго. – О чем?

– Я хотел бы ознакомиться с материалами дела, – выпалил Маккалеб.

Очевидно, за два года вынужденного бездействия его танцевальные навыки пришли в полную негодность.

– Приплыли, – буркнул Арранго и, сердито тряхнув головой, уставился на Маккалеба. – Ладно, у вас десять минут, а потом проваливайте подобру-поздорову.

Детектив посторонился, и Маккалеб проследовал за ним в отдел, загроможденный столами с сидящими за ними офицерами. Кто-то неодобрительно косился на чужака, но основная масса не удостоила его и взглядом. Арранго щелкнул пальцами, дабы привлечь внимание детектива, устроившегося у дальней стены с телефонной трубкой в руках. Не прерывая разговора, детектив кивнул и выразительно поднял палец. Арранго шагнул в комнату для допросов – тесное помещение, чью меблировку составлял стол и три стула, – и плотно закрыл за собой дверь.

– Присаживайтесь. Мой напарник освободится через минуту.

Маккалеб опустил на стул напротив стола. Арранго оставалось либо занять место справа, либо протискиваться через гостя, чтобы сесть слева. Замысел Маккалеба заключался в том, чтобы разместить детектива справа от себя. Небольшой психологический трюк, известный любому агенту. Посади собеседника по правую руку, чтобы он смотрел на тебя слева, задействуя тем самым полушарие мозга, менее склонное к критике и предубеждению. Этой хитрости его научил психолог из Куантико, который вел практикум по техникам гипноза при допросах. Неизвестно, подействует ли уловка на Арранго, но попытаться стоило.

– Хотите пончик? – предложил Маккалеб, выждав, пока Арранго устроится справа.

– Нет. Избавь меня и от пончиков, и от своего присутствия. Это ведь сестра Глори мутит воду? До чего настырная особа! И не лень ей швырять деньги на частного сыщика. Кстати, предъяви документы.

– Лицензии у меня нет, если вы об этом.

Арранго побарабанил пальцами по обшарпанной столешнице.

– Уф, ну и духота. Надо почаще здесь проветривать.

Актер из Арранго был никудышный. Обе реплики он произнес так, словно читал суфлерский текст. Детектив поднялся, поправил термостат на стене и снова опустился на стул. Понятно, что представление затевалось лишь для того, чтобы включить магнитофон и видеокамеру, спрятанные за вентиляционной решеткой над дверью.

– Итак, вы ведете расследование убийства Глории Торрес? – приступил к допросу Арранго.

– К расследованию я пока не приступал. Просто пришел побеседовать, нащупать, так сказать, отправную точку.

– Вас наняла сестра погибшей, верно?

– Да, Глория Торрес обратилась ко мне за консультацией.

– Однако у вас нет лицензии на работу частным сыщиком в штате Калифорния?

– Нет.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел второй детектив, с которым Арранго недавно обменивался знаками. Не оборачиваясь и не глядя на напарника, Арранго выставил ладонь с

растопыренными пальцами – мол, не перебивай. Второй детектив – очевидно, Уолтерс – привалился к стене и скрестил руки на груди.

– Сэр, вы понимаете, что нарушаете закон штата, занимаясь частным сыском без лицензии? За такое, вообще-то арестовывают.

– Брать деньги за частное расследование, не имея на то разрешения, не только незаконно, но и неэтично. Полностью согласен.

– Вы намекаете, что работаете бесплатно?

– Совершенно верно. Выполняю просьбу друга семьи.

Маккалебу быстро наскучило валять дурака.

– Детектив, завязывайте с этой хренью. Может, выключите камеру, и мы спокойно поговорим. Кстати, ваш напарник заслонил микрофон. Много вы не запишете.

Уолтерс как ужаленный отпрыгнул от термостата и напустился на коллегу:

– Ты почему сразу не предупредил?

– Захлопнись! – рявкнул Арранго.

– Ребята, расслабьтесь, возьмите пончик. Я правда хочу помочь, – заверил Маккалеб.

Слегка пристыженный Арранго с подозрением уставился на Маккалеба:

– Как ты узнал про запись?

– Все полицейские участки в городе оборудованы одинаково, а я повидал их немало, пока работал в Бюро.

– ФБР? – встрепенулся Уолтерс.

– Агент в отставке. Грасиэла Риверс – моя приятельница. Она и попросила меня ознакомиться с делом. Я правда хочу помочь.

– Как вас зовут? – Из-за болтовни по телефону Уолтерс пропустил все самое интересное и теперь торопился наверстать упущенное.

Маккалеб встал, назвал свое имя и обменялся рукопожатиями со вторым детективом. Деннис Уолтерс был значительно моложе Арранго. Бледный, худощавый, одежда висела на нем мешком. По всей видимости, детектив не удосужился обновить гардероб после того, как изрядно потерял в весе. В глаза бросилось отсутствие кобуры. Наверняка Уолтерс доставал свой пистолет из кейса только для патрулирования. В отличие от напарника, Уолтерс понимал, что в борьбе с преступниками главное – личность, а не оружие.

– Эй, а я вас знаю! – Уолтерс ткнул в Маккалеба пальцем. – Вы тот самый спец по серийным убийствам.

– Какой еще спец? – нахмурился Арранго.

– Ну, профайлер, из отдела по расследованию серийных убийств. Его еще регулярно направляли сюда, поскольку Лос-Анджелес сейчас – основной рассадник психов. Он вел дело Душителя с Сансет-Стрип, Шифровщика, Могильщика. Всех и не упомнишь. – Уолтерс повернулся к гостю. – Правильно?

Маккалеб кивнул, и молодой детектив щелкнул пальцами.

– О вас же недавно выходила статья в «Фигаймс»!

Маккалеб снова наклонил голову в знак согласия:

– В рубрике «Как сложилась судьба». Две недели назад.

– Точно. Там сказано, вы недавно перенесли трансплантацию.

Маккалеб закивал, как болванчик. Такого рода детали способствовали непринужденной обстановке. Еще немного, и лед будет сломан. Уолтерс по-прежнему маячил позади Арранго, однако его взгляд то и дело останавливался на коробке.

– Угощайтесь, детектив. Жаль, если такая вкуснятина испортится. Я еще не завтракал, но, если вы откажетесь, у меня кусок в горло не полезет.

– Ну, раз вы настаиваете... – Уолтерс шагнул к столу и, опасливо косясь на напарника, открыл коробку.

Арранго застыл с каменным лицом. Уолтерс выбрал глазированный пончик. Маккалеб взял с корицей. Не утерпев, Арранго выудил с сахарной пудрой. Пару минут все трое сосредоточенно жевали. Потом Маккалеб достал из кармана спортивного пиджака пачку салфеток, позаимствованных из той же пекарни, и бросил на стол, откуда их моментально расхватили.

– Неужели в Бюро такие мизерные пенсии, что приходится подрабатывать частным сыщиком? – пробормотал Уолтерс с набитым ртом.

– Мне за это не платят. Я здесь как частное лицо. Сестра убитой – моя приятельница.

– Приятельница? Интересная формулировка, – нахмурился Арранго. – Не поделишься, как вы познакомились?

– Я живу на пришвартованной яхте. С Грасиэлой мы случайно столкнулись на набережной. Слово за слово. Узнав о моей профессии, она попросила меня об одолжении. В чем криминал?

Маккалеб сам не понимал, зачем так старался утаить правду. Наверное, из-за мгновенно вспыхнувшей неприязни к Арранго ему не хотелось, чтобы тот знал о его истинной связи с Глорией Торрес и Грасиэлой Риверс.

– Ладно, – вздохнул Арранго. – Не знаю, что наболтала тебе сестрица, но дело яйца выеденного не стоит. Банальное убийство с целью ограбления. Это тебе не Чарли Мэнсон, Тед Банди или гребаный Джефффри Дамер. Не бином Ньютона. Какой-то отчаянный, не слишком одаренный олень в маске и с пушкой не побрезговал мокрухой ради нескольких долларов. В общем, не твой профиль.

– Я в курсе, но Грасиэла очень просила помочь. Прошло уже сколько? Два месяца? Я подумал, может, вам пригодится свежий взгляд. Тем более вы наверняка зашиваетесь с другими расследованиями.

Уолтерс легко проглотил наживку.

– На нас повесили еще четыре дела, а Эдди две недели не вылезает из суда в Ван-Найсе. Что касается Риверс...

– Работа идет полным ходом, – перебил напарника Арранго.

Маккалеб поочередно оглядел обоих детективов:

– Даже не сомневаюсь.

– Кроме того, у нас правило – не допускать любителей к текущим расследованиям.

– Любителей?

– Без жетона и лицензии ты самый натуральный любитель.

Маккалеб проглотил оскорбление. Очевидно, Арранго испытывал его на прочность. Ничего, не таких ломали.

– Удобное правило. Сам придумал, сам применил, – парировал Маккалеб. – А ведь я могу помочь, и вы это прекрасно понимаете. Но главное – вы ничем не рискуете. Никто не собирается вас подставлять. Наоборот. Если мне удастся что-то выяснить, вы узнаете первыми. Подозреваемые, зацепки, улики. Я предлагаю взаимовыгодное сотрудничество в обмен на вашу помощь.

– Какого рода помощь? – сощурился Арранго. – Как верно подметил мой не в меру разговорчивый напарник, мы тут совсем зашиваемся.

– Сделайте мне копию всех материалов и видеозаписей. Анализ места преступления – мой конек. Выполните мою просьбу, и я вас больше не потревожу.

– Намекаешь, что мы в полной заднице? Тебя послушать, разгадка была у нас прямо под носом, и сейчас ты преподнесешь нам ее на блюдечке, ведь ты же федерал, а федералы умнее нашего брата.

Маккалеб со смехом покачал головой. Наверное, стоило довериться чутью и унести ноги сразу, как только на пороге появился этот мачо с кобурой. Оставалась последняя попытка.

– Ничего подобного. Не знаю, упустили вы что-то или нет, но я неоднократно сотрудничал с полицейским департаментом Лос-Анджелеса и бьюсь об заклад, что вы выполнили свою работу на совесть. Но я обещал Грасиэле Риверс. Кстати, она не слишком донимает вас звонками?

– Донимает – мягко сказано. Звонит по три раза на дню и каждый раз слышит одно и то же: ни подозреваемых, ни зацепок.

– Ждете, когда появятся новые обстоятельства и дело сдвинется с мертвой точки?

– Пожалуй.

– А тут еще назойливая сестра. Покажите мне материалы, и я попытаюсь избавить вас от нее. Если мне удастся убедить Грасиэлу в вашей добросовестности, она уgomонится. Близким людям доверяют больше, чем официальным лицам.

Детективы угрюмо молчали.

– Вы ведь ничего не теряете, – увещевал Маккалеб.

– Мы не вправе распоряжаться материалами без согласия лейтенанта, – отчеканил Арранго. – А тем более выдавать на руки копии. Это совершенно исключено. Да, приятель, ну ты и сел в лужу. В первую очередь тебе следовало переговорить с лейтенантом. Ты ведь знаешь правила игры, но почему-то пренебрегаешь протоколом.

– Вообще-то, я собирался. Но мне сказали, что Баскирк в управлении Вэлли.

– И скоро должен вернуться. – Арранго глянул на часы. – Говоришь, ты здорово шаришь в местах преступления?

– Ага. Если у вас есть запись, с удовольствием посмотрю.

Арранго подмигнул Уолтерсу и снова повернулся к Маккалебу.

– У нас есть кое-что получше записи с места преступления. У нас есть само преступление. – Он резко отодвинул стул и поднялся. – Идем. И захвати с собой пончики.

Глава 5

В убойном отделе Арранго протиснулся среди нагромождения столов к нужному, открыл ящик и достал кассету. После чего двинулся в коридор и, завернув за угол, толкнул низенькую дверцу конторки, ведущую в недра Главного следственного управления. Сообразив, что они направляются в пустующий кабинет Баскирка, Маккалеб оставил коробку с пончиками на балюстраде и последовал за провожатыми.

В углу кабинета высился узкий стальной шкаф на колесиках, какие можно встретить в классной комнате или конференц-залах. Арранго распахнул дверки: внутри оказался телевизор с видеоприставкой. Включив оборудование, детектив сунул кассету в прорезь.

– Удиви нас, – проворчал Арранго, не глядя на Маккалеба. – Справишься, и мы похлопочем за тебя перед лейтенантом.

Маккалеб встал напротив «ящика». Арранго нажал кнопку воспроизведения, и на экране возникла черно-белая картинка – запись с камеры видеонаблюдения, установленной под потолком универсального магазинчика. Объектив был направлен на застекленный прилавок, забитый сигарами, «мыльницами», батарейками и прочим ширпотребом. В нижней части экрана виднелась дата и счетчик времени.

Поначалу в кадре ничего не происходило. Потом в левом углу, над кассой возникла седая голова продавца.

– Чан Хо Кан, владелец лавки. – Арранго ткнул промасленным пальцем в экран, оставив на нем жирный след. – Его последние минуты на нашей грешной земле.

Кан выдвинул ящик кассы и ссыпал в отделение для мелочи пригоршню четвертаков. Едва он закрыл аппарат, в кадре появилась женщина. Покупательница. Маккалеб моментально узнал ее по фотографии, которую Грасиэла Риверс показывала ему на борту яхты.

Глория Торрес с улыбкой двинулась к прилавку и положила на стекло две шоколадки «Херши». Потом достала из сумочки кошелек, пока мистер Кан выбивал чек.

Глория протянула ему купюры, и тут в поле зрения шагнул третий человек – мужчина в черной лыжной маске и черном спортивном костюме. Он незаметно приблизился к по-прежнему улыбающейся Глории. Маккалеб посмотрел на счетчик времени – 22:41:39 – и, превозмогая себя, снова обратил взгляд на экран. Так жутко было наблюдать за драмой, разворачивающейся в черно-белом безмолвии. Мужчина в лыжной маске опустил правую руку на плечо Глории, левой поднес дуло пистолета к ее виску и без колебаний нажал на спусковой крючок.

– Пиф-паф! – объявил Арранго.

У Маккалеба потемнело в глазах. Пуля пробила череп девушки насквозь, из входного и выходного отверстия брызнул фонтан крови.

– Она даже не успела понять, что случилось, – пробормотал Уолтерс.

Глория дернулась и, ударившись о прилавок, стала заваливаться на нападавшего. Тот обхватил ее поперек груди, попытался и, заслонясь телом жертвы, как щитом, выстрелил в мистера Кана. Владельца магазинчика отбросило к стене. Согнувшись, он рухнул на витрину. Стекло треснуло. Мистер Кан лихорадочно шарил руками по прилавку, цепляясь за него, точно альпинист за выступы в отвесной скале, но, так и не найдя опоры, распластался позади витрины.

Нападавший опустил Глорию на пол, и она почти полностью скрылась из виду. В кадре оставалась только ее ладонь и безвольно раскинутые ноги. Стрелок подскочил к прилавку и, перегнувшись через него, уставился на мистера Кана, который иступленно шарил на нижней полке, роняя на пол стопки коричневых бумажных пакетов. Мужчина в лыжной маске пристально наблюдал за раненым. Наконец тот вскинул руку с зажатым в ней черным револьвером. Но не успел старик взвести курок, как грабитель хладнокровно всадил Кану пулю в лицо.

Болтая ногами в воздухе, убийца еще ниже перевесился через витрину и подобрал с пола стреляную гильзу. После чего выпрямился, опустошил кассу и повернулся к камере. Даже сквозь маску отчетливо просматривалось, как он подмигнул и что-то сказал в объектив. А потом быстро исчез из поля зрения.

– Подбирает две оставшиеся гильзы, – сообщил Уолтерс.

– Изображение без звука? – уточнил Маккалеб.

– Увы, – вздохнул Уолтерс. – Что бы ни говорил убийца, он явно обращался к самому себе.

– На весь магазин только одна камера?

– Одна-единственная. По словам опрошенных, Кан был редкостный жмот.

Далее на записи убийца мелькнул в кадре всего один раз, на пути к выходу.

Маккалеб невидящим взглядом уставился в экран. Несмотря на весь его опыт, он был потрясен чудовищностью преступления. Загубить две жизни ради небогатой выручки.

– Да, такого не покажут в «Сам себе режиссер», – хмыкнул Арранго.

Маккалеб хорошо знал такую породу полицейских. Непрошибаемые. Даже глядя на истерзанный труп, они пытаются юморить. Именно так работает инстинкт самосохранения: делай вид, что тебе по барабану, – сбережешь и нервы, и здоровье.

– Можно отмотать назад и включить замедленное воспроизведение? – попросил Маккалеб.

– Погодите, фильм еще не кончился, – предупредил Уолтерс.

– В каком смысле?

– Сейчас появится Добрый Самуил. – Уолтерс произнес имя на испанский манер, «Самуэль».

– Добрый Самуил?

– Добрый Самаритянин. Какой-то мексиканец забрел в магазин, увидел раненых и даже оказал первую помощь женщине. Кану она, увы, не понадобилась. После наш герой разыскал таксофон и... Кстати, вот и он.

Маккалеб снова припал к экрану. В 22:42:55 в кадре возник смуглый брюнет в джинсах и футболке. С минуту он помешкал, очевидно глядя на Глорию Торрес. После чего направился к стойке и перегнулся через нее. Кан распростерся на полу в луже крови. Широко распахнутые глаза смотрели в потолок, на лице и груди зияли жуткие раны. Хозяин магазина, вне всяких сомнений, был мертв. Добрый Самаритянин поспешил к Глории и, склонившись над ней, частично пропал из поля зрения. Однако уже через мгновение он вскочил и скрылся из кадра.

– Побежал искать на полках перевязочный материал, – пояснил Арранго. – Он обмотал ей голову скотчем, а рану закрыл прокладкой «Котекс» для максимального впитывания.

Добрый Самаритянин вернулся и принялся хлопотать над Глорией, хотя его манипуляции оставались вне зоны видимости.

– Камере не удалось взять его крупным планом, – добавил Арранго. – И вообще он смылся. Позвонил девять-один-один и был таков.

– А после не объявлялся? – нахмурился Маккалеб.

– Нет. Хотя мы обращались к нему по телику. Ну, знаешь, стандартная практика: просим откликнуться свидетеля. Только все впустую. Парень растворился как дым.

– Очень странно, – протянул Маккалеб.

Мужчина по-прежнему стоял спиной к камере. Прежде чем пропасть с экрана, он глянул влево, и объектив запечатлел его профиль с темными усами.

– Побежал вызывать полицию? – догадался Маккалеб.

– Он набрал девять-один-один, – сообщил Уолтерс. – Попросил прислать «скорую», и они перевели его на пожарную часть.

– Почему он не вернулся? – недоумевал Маккалеб.

– У нас есть на этот счет версия, – ответил Арранго.

– Не поделитесь?

– Мы прослушали запись, сделанную службой спасения, – отозвался Уолтерс. – Парень говорил с акцентом. Латиноамериканец. Скорее всего, нелегал. Наверное, побоялся, что его депортируют.

Маккалеб кивнул. Убедительная версия, особенно если учесть, что Лос-Анджелес кишмя кишит нелегалами, скрывающимися от властей.

– Мы расклеили листовки во всех мексиканских кварталах и выступили с обращением по Тридцать четвертому каналу, – продолжал Уолтерс. – Просили очевидца явиться в участок и рассказать о случившемся, а взамен обещали не депортировать. Но он как в воду канул. Эти кварталы – настоящий рассадник преступности. Там, откуда этот парень, копов боятся больше, чем головорезов.

– Досадно, – констатировал Маккалеб. – Самаритянин нагрязнул в магазин практически сразу после убийства. Возможно, он успел заметить машину стрелка или разглядел номерные знаки.

– Возможно, – согласился Уолтерс. – Но с нами он информацией поделиться не захотел. Сказал, что видел автомобиль – «черный, похожий на грузовик», и повесил трубку прежде, чем диспетчер успела спросить его о номерах.

– Можно еще разок посмотреть запись? – попросил Маккалеб.

– Смотри сколько влезет. – Арранго перемотал пленку.

Второй просмотр проходил в гробовой тишине. На моменте убийства Арранго включил замедленное воспроизведение. Едва стрелок возник в кадре, Маккалеб впивался в него взглядом. Маска скрывала выражение лица нападавшего, зато были отчетливо видны глаза – безжалостные, без тени раскаяния. На черно-белых кадрах цвет было не разобрать. Глаза того, кто хладнокровно застрелил двух человек.

– Матерь божья, – пробормотал Маккалеб, едва запись кончилась.

Арранго извлек кассету и выключил телевизор.

– Ну, что скажешь? – обратился он к Маккалебу. – Ты ведь эксперт. Просвети нас.

В его голосе звучал вызов. Блесни либо не отсвечивай. Борьба за территорию во всей красе.

– Для начала мне нужно все хорошенько обдумать. Еще пару раз прокрутить пленку.

– Кто бы сомневался, – презрительно фыркнул Арранго.

– Точно могу сказать одно. – Маккалеб посмотрел на детектива в упор. – Этот парень уже убивал. – Он кивнул на потухший экран. – Ни колебаний, ни паники, ни единого лишнего движения... Зашел, выстрелил, хладнокровно собрал гильзы. Это не первое его убийство. И, боюсь, не последнее. Плюс он уже бывал в магазине и знал, где расположена камера. Понятно, что видеонаблюдение сейчас есть в самой захудалой лавке, однако стрелок четко посмотрел в объектив. Значит, точно знал его нахождение по предыдущим визитам. Либо он живет где-то поблизости, либо заранее наметил объект.

Арранго ухмыльнулся. Уолтерс покосился на напарника, явно намереваясь что-то добавить, но тот жестом велел ему замолчать. Похоже, Маккалеб попал в яблочко.

– Ну? – не утерпел он. – Сколько еще случаев?

Арранго решительно выставил обе ладони, как бы ограждаясь от собеседника:

– На сегодня достаточно. Мы переговорим с лейтенантом и сообщим тебе о результатах.

– Да что с вами творится?! – не выдержал Маккалеб. – Зачем останавливаться на полпути? Объясните все по-нормальному, до конца. Я правда могу помочь. Вы ведь ничего не теряете.

– Можешь, можешь. Но у нас связаны руки. Если лейтенант даст добро, тогда милости просим.

Арранго кивнул на дверь. Маккалеб хотел взбунтоваться, но, сообразив, что сделает только хуже, покорно направился к выходу. Арранго с Уолтерсом последовали за ним.

– Когда мне ждать вашего звонка?

– Как только, так сразу, – заверил Арранго. – Оставь свой номер, мы обязательно позвоним.

Глава 6

В ожидании такси Маккалеб топтался перед зданием управления. Внутри у него все клокотало от ярости. Арранго обвел его вокруг пальца, как первоклашку. Парни вроде Арранго сначала изображают радушие, а после вонзают нож в спину. Маккалеб повидал немало таких экземпляров по обе стороны закона.

Но ничего не поделаешь. В этой игре все карты на руках у детектива. Естественно, он не позвонит. Обрывать телефон предстоит Маккалебу. Таковы правила. Впрочем, до завтрашнего утра время терпит.

Подъехало такси, и Маккалеб устроился на заднем сиденье, чтобы водитель не докучал ему разговорами. Судя по непроизносимой фамилии на приборной доске, за рулем был русский. Маккалеб достал из сумки блокнот и назвал адрес: «Шерман-маркет» в районе Каног-Парк. Автомобиль покатил на север по бульвару Резеда, потом свернул на запад по Шерман-уэй и вскоре очутился перед скоплением торговых павильонов на пересечении с Уиннетка-авеню.

Таксист притормозил у входа в абсолютно неприметный, невзрачный магазинчик с зеркальными витринами, сплошь залепленными яркими листовками с обещанием скидок. Обычный мини-маркет, неотличимый от тысячи своих собратьев по всему городу. Однако по какой-то причине грабитель решил обчистить именно его, а заодно убить двух человек. Прежде чем выбраться из такси, Маккалеб внимательно изучил фасад. Рекламные объявления на окнах не позволяли разглядеть, что творится внутри помещения. Может, это и обусловило выбор объекта. Даже если кто из водителей и бросит взгляд на витрину, то ничего не увидит.

Маккалеб открыл дверцу и шагнул на тротуар. Потом наклонился к окну и, попросив таксиста подождать, направился в магазин. Автоматически отметил звяканье колокольчика над дверью. Заснятый на видео прилавков с кассовым аппаратом размещался у дальней стены, аккуратно напротив входа. У кассы маячила женщина-азиатка, очевидно супруга покойного владельца. Заметив Маккалеба, она испуганно вздрогнула.

Изображая рядового покупателя, Маккалеб покрутил головой и, углядев полку со сладостями, взял плитку «Херши». Шагнув к прилавку, он положил шоколад на стеклянную поверхность, обезображенную трещинами. Осознание того, что он стоит на том самом месте, где Глорию Торрес настигла пуля, со всей чудовищностью обрушилось на Маккалеба. Лицо исказила страдальческая гримаса. Он сочувственно посмотрел на пожилую женщину и кивнул.

– Что-нибудь еще? – осведомилась она.

– Нет, спасибо.

Женщина пробила чек, и Маккалеб расплатился. В манерах азиатки чувствовалась настоятельность. Перед ней был посторонний человек – не из числа местных, не постоянный клиент. Случившееся внушило ей боязнь чужаков. Внушило основательно и надолго.

Женщина протянула ему сдачу, и Маккалеб заметил у нее на руке часы – явно мужские, с широким ремешком из черного каучука и большим циферблатом, они подчеркивали миниатюрность и хрупкость запястья их обладательницы. Маккалеб моментально узнал часы. Они были на мистере Кане в момент убийства и особенно бросались в глаза, когда несчастный старик цеплялся за прилавок, прежде чем распластаться на полу.

– Простите, вы миссис Кан? – обратился к ней Маккалеб.

Азиатка перестала возиться с кассой и опасно посмотрела на него:

– Да. Мы знакомы?

– Нет, просто... я слышал о том, что случилось с вашим супругом. Примите мои соболезнования.

– Спасибо, – кивнула она и, точно оправдываясь, добавила: – Единственный способ убежать от зла – не отпирать дверей. Но нам нельзя. Нужно зарабатывать на хлеб.

Маккалеб понимающе кивнул. Скорее всего, такими словами покойный мистер Кан пытался развеять опасения жены, когда та отговаривала его от идеи открыть собственный бизнес в этом жестоком городе.

Поблагодарив женщину, Маккалеб поспешил на улицу; колокольчик звякнул ему вслед. Устроившись в салоне, он рассеянно уставился на витрину в попытке постичь логику нападавшего. Чем его привлек захудалый мини-маркет? В памяти всплыл кадр: грабитель тянется к кассе и выгребаёт оттуда купюры. Едва ли он сорвал солидный куш. Впрочем, сложно выстраивать какие-либо версии на основании двух-трех скудных фактов. Нужны детали, которые детективы наотрез отказались раскрывать.

Взгляд зацепился за таксофон на стене справа от магазинчика. Вероятно, именно им воспользовался Добрый Самаритянин. Интересно, полиция догадалась снять отпечатки с трубки, когда единственный свидетель так и не явился? Вряд ли. А сейчас заниматься этим нет смысла. Слишком много времени прошло.

– Куда едем? – с сильным акцентом спросил водитель.

Маккалеб подался вперед, чтобы назвать очередной адрес, но в последний момент передумал и забарабанил пальцами по пластиковой спинке переднего сиденья.

– Не выключайте счетчик. Мне нужно позвонить в пару мест.

Маккалеб снова выбрался из салона и, на ходу листая блокнот, направился к таксофону. Набрал номер и перевел звонок на свою кредитку. Ему ответили после первого же гудка.

– «Таймс», Рассел.

– Мне послышалось или ты сказала «Фигаймс»?

– Очень смешно. Кто говорит?

– Киша, это Терри Маккалеб.

– Привет, дружище! Как твое ничево?

– Лучше не бывает. Все собирался поблагодарить тебя за статью, но руки не доходили.

Отличный материал.

– Ты просто душка. До сих пор меня не удостоивали слов благодарности.

– Боюсь, твой комплимент не по адресу. У меня к тебе просьба. Ты сейчас за компом?

– Терри, умеешь ты все испортить. Да, за компом.

– В общем, мне нужна информация, но я не совсем понимаю, где искать. Можешь сделать для меня поиск по ключевым словам? Ищи любые материалы об ограблениях, сопряженных с убийством.

– Серьезно? – засмеялась Киша. – Ты хоть представляешь, сколько народу погибает при вооруженных налетах? Это Лос-Анджелес, не забывай.

– Да уж, сморозил глупость. Тогда добавь к ключевым словам лыжную маску и возьми отрезок в полтора года. Надеюсь, это сузит поиск?

– Давай попробуем.

Киша застучала пальцами по клавиатуре компьютера, подключенного к электронному архиву газетных статей. Скоро система выведет на экран все заметки, где упоминается ограбление, лыжная маска и стрельба.

– Терри, стесняюсь спросить, зачем тебе это? Ты разве не вышел в отставку?

– Вышел.

– Что-то не очень похоже. Ты как будто взялся за старое. Проводишь расследование?

– Вроде того. Друг попросил об одолжении, а полиция Лос-Анджелеса, по обыкновению, ставит палки в колеса. Без жетона это вообще туши свет.

– Что за расследование?

– Это не для первой полосы. На нынешнем этапе точно. Но если запахнет сенсацией, обещаю снабдить тебя подробностями.

Киша сердито фыркнула.

– Как меня бесят такие разговоры! Просишь о помощи, сам не говоришь, в чем суть. Не тебе решать, что годится для первой полосы, а что нет. Кто из нас журналист, в конце концов?!

– Ладно, ладно. Извини. Просто не хочу тебя обнадеживать раньше времени. Может, дело не стоит и выведенного яйца. Сперва надо обмозговать. Но потом я обязательно тебе расскажу, обещаю. Не факт, что из этого выйдет убойный материал, но в любом случае ты все узнаешь. Ну как, нашла что-нибудь?

– Нашла, – капризно протянула Рассел. – Шесть совпадений за последние полтора года.

– Шесть? И что там?

– Шесть статей. Я зачитаю тебе заголовки, а ты решишь, стоит ли открывать текст целиком.

– Отлично.

– Поехали. «Двое ранены при попытке ограбления». «Мужчина застрелен у банкомата». Далее: «Полиция ищет свидетелей убийства у банкомата». Так, следующие три заголовка по всей видимости связаны. «При ограблении магазина застрелен владелец и случайная покупательница». «Вторая жертва, сотрудница „Таймс“, скончалась в больнице». Проклятье, впервые об этом слышу. Надо ознакомиться на досуге. И последнее: «Полиция разыскивает Доброго Самаритянина». Вот, все шесть.

Маккалеб задумался. Шесть статей, три разных случая.

– Разверни первые три и прочитай, если не трудно.

– Не вопрос.

В трубке снова защелкали клавиши. Взгляд Маккалеба скользнул мимо такси к Шерман-уэй – оживленной четырехполосной магистрали, где поток автомобилей не ослабевал даже по ночам. Наверняка кто-то из водителей видел убегающего убийцу. Неужели Арранго с Уолтерсом так зациклились на Добром Самаритянине, что не попытались разыскать других очевидцев?

Маккалеб посмотрел через дорогу и на парковке перед торговыми рядами заметил в автомобиле мужчину, но лицо разглядеть не успел – мужчина моментально заслонился от наблюдателя газетой. Автомобиль был старой развалюхой заграничной сборки, что исключало мысль о хвосте, приставленном Арранго. Но тут из трубки донесся голос Киши, и Маккалеб забыл про подозрительную колымагу.

– Первая статья от восьмого октября прошлого года. Тут буквально пара строк. «Супружеская пара получила ранения при попытке ограбления. Как сообщает полиция Инглвуда, незадачливого вора скрутили прохожие. Инцидент произошел во вторник, около одиннадцати часов. Супруги прогуливались по бульвару Манчестер, когда неизвестный в лыжной маске...» – зачитывала Киша с экрана.

– Преступника поймали? – перебил Маккалеб.

– Здесь сказано, что да.

– Тогда пропускаем. Нам нужны нераскрытые.

– Вторая заметка от пятницы, двадцать четвертого января. Заголовок «Мужчину застрелили у банкомата». Автор не указан. Тоже буквально три строчки. «В среду вечером был убит уроженец Ланкастера, снимавший наличные в банкомате. Заместители шерифа округа Лос-Анджелес назвали преступление совершенно беспочвенным. Неизвестный выстрелил тридцатилетнему Джеймсу Корделлу в голову, когда тот забирал из банкомата триста долларов. Все случилось около десяти вечера в отделении регионального банка на участке 1800 Ланкастер-роуд. По словам детектива Джей Уинстон из управления шерифа, убийство частично зафиксировала камера наблюдения, вмонтированная в банкомат, однако имеющихся кадров недостаточно для выявления личности преступника. На записи видно, что нападавший был в черной лыжной маске. Как отмечает Уинстон, Корделл не оказал ни малейшего сопротивления и не пытался спровоцировать убийцу. „Грабитель действовал хладнокровно. Подошел, выстре-

лил, забрал деньги. Перед нами пример вопиющей жестокости, когда человека убивают из-за каких-то трех сотен“. Корделл упал прямо перед хорошо освещенным банкоматом, однако его тело было обнаружено лишь пятнадцать минут спустя очередным посетителем банка. Врачи экстренной бригады скорой помощи установили, что Корделл скончался на месте». Конеч. Читать следующую?

– Да.

Слушая журналистку, Маккалеб делал торопливые пометки в блокноте. Трижды подчеркнул фамилию Уинстон. Он неплохо знал Джей. В отличие от Арранго с Уолтерсом, она наверняка согласится помочь. С ней не нужно пускаться в ухищрения вроде смертельного танго. У Маккалеба отлегло от сердца.

Тем временем Киша принялась за третью статью.

– Здесь практически то же самое. Опубликовано через два дня, текста мало, автор не указан. «Подозреваемый в убийстве тридцатилетнего уроженца Ланкастера по-прежнему не найден, сообщают в управлении шерифа. Джей Уинстон рассчитывает получить свидетельские показания от водителей и прохожих, находившихся в среду на участке 1800 Ланкастер-роуд в промежутке с десяти до половины одиннадцатого вечера. Напомним, Джеймс Корделл был убит выстрелом в голову грабителем в лыжной маске. Потерпевший скончался на месте. Добычей преступника стали триста долларов. Хотя отдельные моменты преступления попали на камеру видеонаблюдения, вмонтированную в банкомат, полиции не удалось установить личность нападавшего из-за маски. „Думаю, он снял ее сразу после убийства. Человек не будет разгуливать по улице или садиться за руль в маске. Кто-то наверняка обратил внимание на мужчину, вышедшего из отделения банка. Полиция обращается к очевидцам с просьбой явиться в участок для дачи показаний“, цитирует издание Джей Уинстон». Больше ничего.

На сей раз Маккалеб ничего не записывал и, забыв про собеседницу, сосредоточенно анализировал услышанное.

– Аллю, Терри? Ты еще здесь?

– Да, да. Извини.

– Ну как, что-нибудь пригодились?

– Будем надеяться.

– Так и не скажешь, из-за чего сыр-бор?

– Не сейчас, Киша, но огромное тебе спасибо. Как только ситуация прояснится, ты узнаешь первой.

Маккалеб повесил трубку и достал из нагрудного кармана визитку, полученную от Арранго. Нечего рассусоливать и ждать до завтра. У него появилась зацепка, ниточка, которую он разматывает с помощью полицейского управления или без нее. Маккалеб набрал номер и покосился через дорогу. Подозрительная колымага вместе с водителем исчезли.

Трубку сняли после шестого гудка. Когда звонок перевели на Арранго, Маккалеб с места в карьер спросил, вернулся ли Баскирк.

– Плохие новости, амиго, – фальшиво посетовал Арранго. – Лейтенант вернулся, но материалов тебе не видать как своих ушей.

– Интересно почему? – осведомился Маккалеб, стараясь ничем не выдать своего раздражения.

– Наверняка не скажу, но Баскирк рвал и метал, узнав, что ты явился к нам в обход его. А я предупреждал. Надо соблюдать субординацию, а не бежать впереди паровоза.

– Никто и не бежал. Если ты запомнил, лейтенанта не было в управлении. Я справлялся о нем в первую очередь. Надеюсь, это ты ему передал?

– Само собой. Просто он вернулся из Центрального управления чернее тучи. Похоже, ему там вставили фитиля, вот он и отыгрался на мне. Сам понимаешь, вниз по пищевой цепочке.

Вообще тебе грех жаловаться. Мы и так нарушили регламент, показали тебе запись. Для начала неплохо.

– Неплохо, но недостаточно, – возразил Маккалеб. – Всегда удивлялся, как мы в принципе умудряемся раскрывать преступления при таком уровне бюрократии. Думал, только Бюро помешано на крюкотворстве. Между собой мы прозвали его Федеральная бюрократия исследований. Но, похоже, эта хрень творится повсеместно.

– Избавь меня от своего дерьма. Своего по горло. Лейтенант вбил себе в голову, что я пригласил тебя нарочно, а мне такой геморрой даром не нужен. Не хочешь отвалить по хорошему, твои проблемы. Главное, отвали.

– Считай, уже отвалил. Обещаю не беспокоить, пока не разыщу стрелка и не преподнесу его вам на блюдечке.

Выпалив последнюю реплику, Маккалеб понял, что перегнул палку, но после 9 февраля у него выработалось стойкое неприятие идиотов.

– Ждем не дождемся, – ехидно засмеялся Арранго.

И повесил трубку.

Глава 7

Маккалеб жестом попросил водителя подождать еще немного и снова углубился в блокнот. Сначала он хотел позвонить Джей Уинстон, но передумал и набрал оставленный Грасиэлой номер сестринского поста в отделении экстренной хирургии медицинского центра Святого Креста. Грасиэла согласилась увидеться с ним за ранним ланчем, хотя Маккалеб честно признался, что не особенно продвинулся в своих изысканиях. Они договорились встретиться в половине двенадцатого в вестибюле приемного покоя.

Клиника располагалась в части Вэлли, именуемой Мишн-Хиллз. По дороге Маккалеб рассматривал мелькающий за окном пейзаж. Разнообразием он не баловал: сплошь крытые торговые ряды и заправки. Таксист взял курс на 405-е шоссе, ведущее на север.

Топографию Вэлли Маккалеб знал преимущественно по совершенным там преступлениям. Таких накопилось немало, но знакомство с ними ограничивалось протоколами, фотоотчетами и видеозаписями с мест обнаружения трупов. Зачастую убийцы бесцеремонно сбрасывали своих жертв с покатых придорожных склонов или оставляли валяться среди холмов, обрамлявших северные равнины. Шифровщик отметил в Вэлли четырежды, прежде чем раствориться, как утренний туман.

– Вы из полиции?

Маккалеб оторвался от созерцания окрестностей и перехватил в зеркале заднего вида настороженный взгляд таксиста.

– Простите?

– Вы полицейский или вроде того?

– Нет, – коротко ответил Маккалеб и снова уставился в окно.

Они приближались к главной магистрали. На обочине топталась женщина с табличкой «Подайте на пропитание». Очередная жертва ждала своего палача.

Маккалеб устроился на пластиковом стуле напротив семейной пары. Женщина согнулась пополам от боли, обхватив руками живот. Супруг неустанно хлопотал вокруг нее, справлялся о самочувствии и донимал дежурную вопросами, когда появится врач. Но при этом дважды шепнул жене на ухо: «Уже решила, что им сказать?»

И всякий раз женщина молча отворачивалась.

Грасиэла Риверс появилась в приемном покое без четверти двенадцать. Предупредив, что в ее распоряжении всего час, она предложила пойти в больничный буфет. Маккалеб не возражал. После перенесенной операции его вкусовые рецепторы так и не восстановились. Ему было без разницы, где обедать – в захудалой столовой или в дорогом ресторане на Мелроуз. Маккалеб сделался неприхотлив и зачастую забывал поесть, пока головная боль не напоминала ему о необходимости подкрепить силы.

Народу в буфете было мало. Забрав подносы, они сели у окна, откуда открывался вид на зеленую лужайку с огромным белым крестом в центре.

– Моя единственная возможность полюбоваться солнечным светом, – пояснила Грасиэла. – В нашем отделении нет окон, вот и пользуюсь случаем.

Маккалеб понимающе кивнул:

– В Куантико наш отдел располагался под землей. В подвале. Ни единого окна, вечная сырость, зимой от холода не спасает даже обогреватель. Я вообще не видел солнца. Со временем это выматывает.

– Поэтому вы переехали сюда?

– Нет, совсем по другой причине. Но я напрасно надеялся, что теперь сполна насмотрюсь в окна. В МП мне отвели кладовку. Семнадцатый этаж и глухие стены. Наверное, поэтому я и перебрался на яхту. Люблю простор.

– Что такое МП?

– Ох, простите. Местное подразделение. Здоровенная контора в Вествуде неподалеку от ветеранского кладбища.

Грасиэла кивнула:

– Вы правда выросли на Каталине?

– Рос, пока мне не стукнуло шестнадцать. Потом мать забрала меня в Чикаго... Забавно, всю юность я мечтал поскорее убраться с острова. А сейчас из кожи вон лезу, чтобы вернуться обратно.

– Уже решили, чем займетесь?

– Еще нет. В наследство от отца мне достался причал. Может, махну на все рукой и буду сидеть с удочкой на солнце, попивать пиво.

Маккалеб улыбнулся, и Грасиэла улыбнулась в ответ.

– Если причал уже есть, почему вы тянете с отъездом?

– Яхта еще не готова. Впрочем, как и я.

Грасиэла опустила голову.

– Яхта принадлежала вашему отцу?

Очередная подробность из статьи. Маккалеб слишком разоткровенничался с Кишей Рассел. Мало радости, когда каждый второй знает твою подноготную.

– Его плавучий дом на острове. Отец умер, и яхта перешла ко мне. Много лет томилась в сухом доке и теперь нуждается в капитальном ремонте.

– А кто придумал название?

– Отец.

Грасиэла нахмурила брови и сморщилась, словно проглотила что-то кислое.

– «Попутная волна» – очень странное сочетание. Разве такое выражение существует? Я думала, попутным бывает только ветер.

– Еще как существует. К слову, попутная волна и попутный ветер – понятия диаметрально противоположные, как день и ночь.

– Серьезно?

– Да. Попутный ветер – друг моряка, а волна – заклятый враг.

– Почему? – изумилась Грасиэла.

– Любой, кто хоть раз выходил в море, знает, чем опасны попутные волны. Они возникают позади судна, подкрадываются со спины и способны захлестнуть тебя, увлечь на дно. Если не хочешь угодить в попутную волну, всегда будь на шаг впереди. Название яхты – своего рода предостережение. Не забывай оглядываться, всегда следи, что творится у тебя за спиной. Отец внушал мне это с детства. И потом, когда я отчалил.

– Отчалил?

– Ну, уехал с острова. Отец всегда повторял: остерегайся попутной волны, даже на суше. Лицо Грасиэлы озарила улыбка.

– Какая потрясающая история. И название воспринимается совсем по-другому. Вы очень скучаете по отцу?

Маккалеб кивнул, но не стал развивать тему. Разговор постепенно иссяк, и они принялись за сэндвичи. Маккалеб не рассчитывал, что речь пойдет о нем. Наспех проглотив пару кусков, он поделился с Грасиэлой своими скромными достижениями, но умолчал, что видел запись убийства Глории. Зато поведал о возможной связи между стрельбой в магазине и вооруженным ограблением у банкомата, которое освещалось в статьях, прочитанных ему Кишей Рассел.

– Что думаете предпринять? – спросила Грасиэла, выслушав его рассказ.

– Для начала вздремну.

Грасиэла вздернула бровь.

– Устал как собака. Я уже отвык столько бегать, а от обилия информации голова кругом.

Вернусь на яхту, отосплюсь, а завтра снова в бой.

– Извините.

– Не извиняйтесь, – улыбнулся Маккалеб. – Вы искали человека, который возьмется за дело не для галочки, а с искренним рвением. Рвения у меня в избытке, вот только сил маловато. Вы ведь медсестра, должны понимать.

– Прекрасно понимаю. Поэтому очень прошу, берегите себя. Если с вами что-то случится, смерть Глори...

– Можете не продолжать.

Повисла пауза. Маккалеб первым прервал затянувшееся молчание:

– Кстати, вы оказались правы. В полиции Лос-Анджелеса не торопятся с расследованием. Ждут у моря погоды. Точнее, очередного убийства. Дело сунули в долгий ящик, где оно и пролежит, пока не случится что-нибудь из ряда вон.

Грасиэла сокрушенно покачала головой:

– Сами ничего не делают и вам ставят палки в колеса. Уму непостижимо.

– Классическая борьба за территорию. Таковы правила игры.

– Это не игра, – возмутилась Грасиэла.

– Само собой, – примирительно произнес Маккалеб.

Напрасно он вообще употребил это слово.

– Получается, у вас связаны руки?

– Ну, не совсем. Думаю завтра навеститься в управление шерифа по поводу ограбления у банкомата. Я знаком с Джей Уинстон, старшим следователем. Давным-давно мы с ней распутали одно громкое дело. Будем надеяться, Джей встретит меня куда теплее полиции Лос-Анджелеса. По крайней мере, не сразу даст от ворот поворот.

Грасиэла не сумела скрыть своего разочарования.

– Послушайте, я не фокусник. Любое расследование подразумевает длительную и кропотливую работу. Дела не раскрываются по щелчку. Такое бывает только в кино. На практике все зачастую зависит от крохотной детали, зацепки, которую поначалу не заметили или сочли несущественной. Однако именно в ней кроется ключ к разгадке. Но с наскока ее не определить, нужно время.

– Да, разумеется. Просто меня угнетает, что полиция ничего не предприняла по горячим следам.

– Да, пока... – Маккалеб чуть не ляпнул «пока труп еще не остыл», но вовремя опомнился.

– Пока что?

– Ничего. Вы совершенно правы. Чем больше времени упущено, тем меньше шансов на успех.

Маккалеб даже не пытался подсластить пилюлю. Лучше заранее подготовить Грасиэлу к неминуемому провалу. В свое время Маккалеб считался неплохим специалистом, но до гения недотягивал. Согласившись взяться за расследование, он внушил Грасиэле ложную надежду. Его тщеславные мечты о триумфальном возвращении выльются для нее в горькое разочарование.

– Этим людям плевать, – пробормотала она, не поднимая глаз.

Нетрудно угадать, что речь шла об Арранго и Уолтерсе.

– Зато мне нет.

Они молча доели сэндвичи. Отодвинув тарелку, Маккалеб исподтишка разглядывал Грасиэлу, пока та смотрела в окно. Даже в белом синтетическом халате, с заколотыми волосами Грасиэла Риверс будоражила воображение. В ее облике читалась грусть, которую страстно хотелось развеять. Вероятно, смерть сестры наложила на нее свой отпечаток. Впрочем, печаль – неотъемлемая спутница многих. Маккалеб наблюдал ее даже у младенцев. Они словно заранее ощущали все тяготы жизни, а их дальнейшая судьба лишь оправдывала врожденные опасения.

– Она умерла здесь? – спросил Маккалеб.

Кивнув, Грасиэла повернулась к нему:

– Сначала ее отвезли в Нортбридж, стабилизировали, а после перевели сюда. Я была с ней, когда отключили систему жизнеобеспечения. Была до последнего вздоха.

– Страшное горе. – Маккалеб покачал головой.

– В экстренной хирургии люди умирают каждый день. Мы стараемся не принимать близко к сердцу, даже придумали шутивную аббревиатуру ППС – последняя песенка спета. Но когда это касается тебя напрямую... тут не до шуток.

Грасиэла отогнала гнетущие мысли и, переключив передачу, устремилась вперед, подальше от опасной колеи. Можно сказать, вдавила педаль газа в пол, оставляя все тяготы позади.

– Расскажите мне о ней, – попросил Маккалеб.

– В каком смысле?

– Собственно, за этим я и пришел. Хочу понять характер Глории. Это очень способствует расследованию. Чем больше знаешь о человеке, тем яснее картина.

Грасиэла закусил губу, сосредоточенно размышляя, как описать сестру в двух словах.

– На вашей яхте есть кухня? – неожиданно выдала она.

– Что? – Вопрос застал Маккалеба врасплох.

– Кухня. На яхте.

– Судовая кухня называется камбуз.

– Пусть будет камбуз, – отмахнулась Грасиэла. – Готовить там можно?

– Вполне. Но при чем здесь моя яхта?

– Хотите понять характер моей сестры?

– Очень.

– Тогда вам необходимо познакомиться с ее сыном. Все лучшее от Глори воплотилось в Реймонде. Пообщаетесь с ним и все узнаете.

Сообразив, к чему клонит собеседница, Маккалеб медленно кивнул.

– Сегодня вечером я привезу Реймонда, и мы вместе поужинаем. Он уже наслышан и о вас, и о яхте и ждет не дождется встречи.

Маккалеб на секунду задумался.

– Пожалуй, знакомство стоит перенести на завтра. К тому времени я успею побывать в управлении шерифа и, если повезет, порадую вас хорошими новостями.

– Отлично. Завтра так завтра.

– Насчет ужина не беспокойтесь. Это моя забота.

– Вы неправильно меня поняли. Я только хотела...

– Знаю, знаю, – перебил Маккалеб. – Повозиться у плиты вы всегда успеете, но завтра вы моя гостья, мне и готовить.

– Ладно, – чуть сердито откликнулась Грасиэла, но, осознав, что Маккалеба не переубедить, сменила гнев на милость и улыбнулась. – До скорой встречи.

В южном направлении на шоссе 405 образовалась пробка, и до набережной Маккалеб добрался только к двум часам. Кондиционера в такси не было, голова трещала от смеси выхлопных газов и запаха пота водителя.

Очутившись на борту, Маккалеб первым делом проверил автоответчик. Был единственный звонок, но человек на другом конце провода предпочел сразу повесить трубку. За время болезни Маккалеб успел отвыкнуть от долгой беготни и чувствовал себя слегка разбитым после насыщенного дня. Мышцы ног ныли, спина отваливалась. Спустившись в ванную, он измерил температуру, – к счастью, та не поднялась. Давление и пульс тоже оказались в норме. Маккалеб скрупулезно занес цифры в график, добрал до своей каюты и, наспех раздевшись, повалился на неразобранную кровать.

Несмотря на физическую усталость, сон не шел. Голова пухла от мыслей, перед внутренним взором мелькали кадры убийства. Промаявшись битый час, Маккалеб встал, вернулся в салон, достал из перекинутого через спинку стула пиджака блокнот и углубился в свои записи. В единую картину они пока не складывались, однако начало было положено.

Перевернув страницу, Маккалеб сделал дополнительные пометки и набросал список вопросов для Джей Уинстон. Особенно его интересовало, существует ли тесная связь между двумя убийствами и забирал ли грабитель деньги непосредственно из рук Джеймса Корделла или из лотка для выдачи купюр.

Спрятав блокнот, Маккалеб вдруг почувствовал, что проголодался. Он взбил в кастрюльке три белка, плеснул туда табаско, сальсу и намазал смесь на ломтик белого хлеба. Прожевав пару кусков, добавил еще табаско для остроты.

Убрав со стола, Маккалеб ощутил неимоверную усталость; веки у него слипались. Наскоро приняв душ и измерив температуру, он проглотил вечернюю порцию таблеток и усталвился на себя в зеркало. Несмотря на утреннее бритье, подбородок покрывала густая щетина. Побочный эффект преднизона. Препарат препятствовал отторжению трансплантата и одновременно стимулировал рост волос. Маккалеб невольно ухмыльнулся, вспомнив вчерашний разговор с Бонни Фокс. Ему следовало назвать себя оборотнем, а не Франкенштейном. Перепутал монстров. Посмеиваясь, Маккалеб улегся в постель.

Сон был черно-белый. После операции других ему не снилось. Маккалеб пожаловался на странный феномен Бонни Фокс, но та лишь развела руками.

Во сне он перенесся в магазинчик и стал непосредственным участником драмы, заснятой камерой видеонаблюдения. Маккалеб стоял за прилавком и улыбался Чану Хо Кану. В ответ на его улыбку владелец лавки злобно скривился и пробормотал что-то себе под нос.

– Простите? – переспросил Маккалеб.

– Ты его не заслужил, – огрызнулся мистер Кан.

Маккалеб скосил глаза на прилавок, но разглядеть покупку не успел – холодная сталь обожгла висок. Овернувшись, он увидел перед собой вооруженного мужчину в лыжной маске и – по канону и логике сновидений – угадал, что налетчик улыбается. Грянул выстрел, и пуля пронзила Маккалебу грудь с нарисованным кружком в десять очков. Патрон прошил жертву насквозь, словно бумажную мишень, однако отдача вынудила Маккалеба попятиться. Оступившись, он начал медленно падать. Боли он не чувствовал, только странное умиротворение. Продолжая заваливаться назад, Маккалеб смотрел на убийцу и вдруг узнал глаза – свои собственные глаза, блестящие в прорези маски. Убийца подмигнул.

А Маккалеб все падал и падал.

Глава 8

Еще до рассвета Маккалеба разбудил грохот разгружаемых контейнеров в порту Лос-Анджелеса. Остатки сна улетучились, однако Маккалеб упрямо сомкнул веки и мысленно представил себе картину: подъемник бережно переносит с палубы исполинский контейнер, но портовый рабочий слишком рано дает сигнал опускать, и несколько тонн стали падают на верфь с высоты трех ярдов. Эхо удара звуковой волной прокатывается по соседним причалам, а рабочий радостно хохочет.

– Вот мудилы! – Выругавшись, Маккалеб сел.

Третий раз за месяц его будили столь бесцеремонным образом.

Глянув на часы, он с удивлением обнаружил, что проспал больше десяти часов. Маккалеб побрел в ванную, принял душ и, насухо вытеревшись полотенцем, произвел необходимые измерения. После чего принял обязательную дозу пилюль и порошков. Занес показатели в график и взялся за бритву. Маккалеб уже выдавил на ладонь пену для бритья, но, посмотрев на свое отражение, буркнул:

– Ну его в задницу.

Он побрил шею, чтобы щетина не торчала в разные стороны, но даже не прикоснулся лезвием к щекам. Пока ему не отменят преднизон, с бритьем лучше повременить. К тому же он никогда не носил бороду, в Бюро это категорически запрещалось. Вот заодно и попробует.

Одевшись, Маккалеб захватил с собой стакан апельсинового сока, записную книжку, радиотелефон и поднялся на палубу. Сидя на рыбацком стульчике, встретил рассвет. Прихлебывая сок, он постоянно смотрел на часы в ожидании, когда стрелки покажут пятнадцать минут восьмого – оптимальное время для звонка Джей Уинстон.

Отдел по расследованию убийств управления шерифа располагался в Уиттьере, почти на границе округа. Именно там, на выселках, детективы расследовали все убийства, совершаемые на обособленных участках Лос-Анджелеса и в подведомственных округу городах, включая Палмдейл, где застрелили Джеймса Корделла.

До убойного отдела был примерно час езды. Маккалеб рассудил, что глупо соваться туда, не удостоверившись, на месте ли детектив Уинстон. Лучше позвонить, чем тащиться с пончиками в такую даль.

– Вот мудилы!

Обернувшись, Маккалеб увидел своего соседа, Бадди Локриджа. Тот стоял в рубке «Грозы морей», сорокадвухфутового парусного «хантера», обосновавшегося через три стапеля от «Попутной волны». Бадди был в пижаме, взъерошенный, в руке дымилась чашка кофе. Нетрудно угадать, кому предназначалось его реплика.

– Да уж, утро выдалось недобрым, – согласился Маккалеб.

– Пора уже запретить любые работы по ночам, – бушевал Бадди. – Совсем совесть потеряли! Их грохот слышно в самом Лонг-Бич.

Маккалеб молча кивнул.

– Я разговаривал с капитаном порта, грозил пожаловаться в вышестоящие инстанции, а ему хоть бы хны. Хочу навать петицию. Подпишешь?

– Само собой. – Маккалеб покосился на циферблат.

– Думаешь, фигня?

– Не думаю, но особых иллюзий не питаю. Порт функционирует круглосуточно. Никто не закроет его на ночь из-за кляузы любителей кантоваться на своих судах.

– Да, не поспоришь. Никакой управы на этих козлов... Хорошо бы контейнер свалился им на башку. Чтобы неповадно было.

Локридж был, что называется, портовой крысой. Старейший серфер и пляжный бездельник, вечно на мели, он влачил скромное существование на борту парусника, перебиваясь случайными заработками сторожа или чистильщика корпусов. С Маккалебом он познакомился год назад, когда только перебрался на пристань. Как-то раз посреди ночи Маккалеба разбудили заунывные трели губной гармошки. Чертыхнувшись, он отправился на разведку и в рубке «Грозы морей» обнаружил пьяного в дым Локриджа, который, нацепив наушники, выдувал известный лишь ему одному мотив. Несмотря на не самое удачное начало знакомства, они быстро сдружились – во многом потому, что были единственными завсегдатаями причала. Как говорится, на безрыбье и рак рыба. Бадди приглядывал за «Попутной волной», пока Маккалеб лежал в клинике, а после выписки возил его за покупками, зная, что приятелю запрещено садиться за руль. В благодарность Маккалеб каждую неделю приглашал Локриджа на обед. Они обсуждали горячо любимый обоими блюз, до хрипоты спорили о преимуществах парусных судов над моторными, а по настроению разбирали материалы какого-нибудь старого дела и пытались вычислить преступника. Локридж всегда затаив дыхание слушал рассказы приятеля о Бюро и тонкостях расследования.

– Мне нужно позвонить, Бад. После поболтаем.

– Звони, конечно. Не буду мешать. – Локридж махнул рукой и скрылся в люке, ведущем в каюту.

Маккалеб пожал плечами и, полистав записную книжку, набрал номер Джей Уинстон. Вскоре в трубке раздалось «Алло?».

– Джей, это Терри Маккалеб. Помнишь еще такого?

– Разумеется, – после секундной заминки откликнулась Джей. – Как твое ничего? Слышала, тебе заменили движок?

– Да, подрихтовали на славу. У тебя как?

– Все по-старому, не жалуясь.

– Не против, если я заскочу к тебе на пару минут? Нужна кое-какая информация по одному делу в твоём ведомстве.

– Подался в частные сыщики, Терри?

– Нет. Приятель попросил об одолжении.

– Какой именно? В смысле какой случай тебя интересует?

– Джеймс Корделл. Убийство у банкомата от двадцать второго января.

Уинстон хмыкнула себе под нос, но промолчала.

– Какие-то проблемы? – насторожился Маккалеб.

– Забавно. Дело давно заглохло, но ты уже второй, кто спрашивает о нем за последние два дня.

Проклятье, мысленно выругался Маккалеб. Нетрудно угадать, кто его опередил.

– Тебе звонила Киша Рассел из «Таймс»?

– Ага.

– Это моя вина. Я просил ее найти в архивах материал по Корделлу, но не объяснил зачем. Вот она и вынюхивает.

– Собственно, я так и подумала и закосила под дурочку. А что за приятель втравил тебя в эту историю?

Маккалеб рассказал про убийство Глории Торрес, которое и вывело его на Корделла. Рассказал, как полиция Лос-Анджелеса дала ему от ворот поворот и что она, Джей, его единственная надежда. Умолчал только об имени своего донора.

– Выходит, я прав? Оба случая связаны?

Помешкав, Уинстон подтвердила его догадки, добавив, что дело пока приостановили, до появления новых обстоятельств.

– Джей, не буду ходить вокруг да около: я хочу приехать, взглянуть на материалы, записи – словом, на все, к чему получу доступ, чтобы с чистой совестью сказать Грасиэле Риверс, что все возможные меры приняты или принимаются. Я не собираюсь ни геройствовать, ни подставлять никого из вас.

Уинстон никак не отреагировала.

– Ты согласна? – допытывался Маккалеб. – Выкроишь для меня время?

– У меня сегодня завал. Повисишь минутку?

– Конечно.

В ожидании ответа Маккалеб бродил по палубе, посматривая на темные волны за бортом.

– Терри?

– Да?

– Расклад такой: в одиннадцать у меня судебное слушание в центре. Успеешь подъехать до десяти?

– В девять или девять пятнадцать тебя устроит?

– Вполне.

– Договорились. Спасибо тебе.

– Слушай, Терри, я у тебя в долгу, а долг платежом красен. Но поверь, дело гиблое. Очередной поддон с пушкой. Гребанный закон трех ошибок в действии.

– О чем ты?

– Ладно, у меня вторая линия. Побеседуем на месте.

Не переодеваясь, Маккалеб спустился по трапу и направился напрямик к «Грозе морей». Шхуна была бельмом на глазу для всей пристани и больше смахивала на плавучую барахолку. Локридж хранил на палубе всякий хлам: три серферские доски, два велосипеда, надувную лодку «Зодиак».

Маккалеб заглянул в открытый люк, однако внутри царил гробовая тишина. Он громко позвал приятеля и стал ждать. По правилам морского этикета подниматься на борт без приглашения считалось неприличным.

Наконец Локридж высунулся из люка – уже причесанный и переодевшийся.

– Бадди, какие планы на сегодня?

– Нашел что спросить! Мне всегда есть чем заняться. Бока сами себя не отлежат. Ну не резюме же мне рассылать, в самом-то деле.

– Слушай, мне позарез нужен водитель на ближайшие пару-тройку дней. Может, больше. Не интересует? Плачу десять баксов в час плюс кормежка. Только захвати с собой какое-нибудь чтиво. Боюсь, тебе не столько придется крутить баранку, сколько сидеть и ждать меня.

Бадди вылез на палубу целиком.

– Куда намылился?

– В Уиттгер. Выезжать через пятнадцать минут. Потом не знаю.

– Расследуешь какое-нибудь убийство?

У Бадди загорелись глаза. Он запоем читал детективы, а после пересказывал Маккалебу сюжет. И вот перед ним замаячила перспектива принять непосредственное участие в настоящем расследовании.

– Вроде того. Попросили кое-что проверить. Только учти, мне нужен не напарник, а водитель.

– Заметано. Чью тачку берем?

– Если едем на твоей, бензин за мой счет. Если на моем «чероки», я сяду на заднее сиденье, подальше от подушки безопасности пассажира. Выбирай. Меня устроит любой вариант.

Бонни Фокс запретила ему садиться за руль первые девять месяцев после операции. Грудная клетка еще не срослась до конца. Хотя шрам затянулся, под зарубцевавшейся кожей зияла

открытая грудина. Малейший удар о руль или подушку безопасности мог привести к летальному исходу.

– Мне, конечно, нравится «чероки», но лучше возьмем мою ласточку, – объявил Бадди. – С тобой на заднем сиденье я буду чувствовать себя шофером.

Глава 9

Летом 1993-го на севере Лос-Анджелеса, среди песчаников национального парка Васкес-Рокс в долине Антилоп, было найдено тело женщины. Труп пролежал под палящим солнцем несколько дней. Стадия разложения не позволяла определить, подвергалась ли жертва сексуальному насилию, но такая возможность не исключалась. Хотя женщину обнаружили одетой, ее трусики были вывернуты наизнанку, а блузка застегнута кое-как – либо покойная одевалась не сама, либо делала это под влиянием сильнейшего стресса. Причиной смерти стало удушение – излюбленный прием насильников.

Расследование убийства в Васкес-Рокс возглавила Джей Уинстон из Управления шерифа округа Лос-Анджелес. Не сумев раскрыть дело по горячим следам, Уинстон закусил удила. Амбициозная, но не обремененная раздутым эго, она первым делом обратилась в ФБР за помощью. Ее запрос перенаправили в серийный отдел, и Джей пришлось заполнить специальную форму в рамках Программы предотвращения насильственных преступлений VICAP.

Именно через форму VICAP Маккалеб и познакомился с Джей Уинстон. Копии материалов, направленные ею в Куантико, переслали Маккалебу, успевшему обосноваться в кладовой местного подразделения ФБР в Лос-Анджелесе. По известной бюрократической схеме бандероль проделала огромный путь через всю страну, чтобы потом вернуться обратно.

Прогнав заполненную Уинстон анкету через компьютерную базу данных VICAP, где форма на восемьдесят вопросов сопоставлялась с другими, и внимательно изучив отчеты с места преступления и результаты вскрытия, Маккалеб наткнулся на похожее преступление, совершенное годом ранее в районе перевала Сепульведа. Аналогичный способ убийства, полностью одетый труп на набережной, прочие мелкие детали – все совпадало. Похоже, в Лос-Анджелесе завелся очередной серийный убийца. В обоих случаях женщины исчезали за два-три дня до смерти. Очевидно, маньяк забавлялся с ними несколько суток кряду, прежде чем расправиться.

Установить связь между двумя преступлениями было лишь первым шагом. Далее предстояло вычислить и поймать убийцу. На этом этапе дело застопорилось. Маккалеба насторожил длительный интервал между убийствами. Незвестный (под таким кодовым именем преступник значился в протоколах ФБР) ничего не предпринимал одиннадцать месяцев, пока его большие фантазии снова не взяли верх и не вынудили его похитить вторую жертву. По версии Маккалеба, маньяк бездействовал почти год, подпитывая свое воображение воспоминаниями и впечатлениями от содеянного. Но если верить профильной программе, периоды затишья будут стремительно сокращаться, и вскоре неизвестный начнет охоту за новой жертвой.

Маккалеб составил для Уинстон психологический портрет преступника, однако это ни на шаг не приблизило их к его поимке. Белый мужчина в возрасте от двадцати до тридцати лет, черноработчий, ранее привлекавшийся к ответственности за преступления на сексуальной почве или развратное поведение. Впрочем, возраст мог варьироваться в зависимости от того, подвергался ли неизвестный длительному тюремному заключению.

В этом и состояла загвоздка. При всей своей скрупулезности портреты, созданные на основе VICAP, мало способствовали установлению личности подозреваемого. В Лос-Анджелесе под такую ориентировку попадали сотни, если не тысячи мужчин. Тщательно отработав все ниточки, детективы зашли в тупик. Оставалось только ждать. Маккалеб сделал отметку в календаре и занялся другими делами.

В марте, спустя восемь месяцев после убийства в Васкес-Рокс, Маккалеб наткнулся на обведенную в кружок дату, перечитал материалы и позвонил Джей Уинстон, но ничего нового не услышал. Никаких зацепок, никаких подозреваемых. После долгих уговоров Джей согласилась установить наблюдение за местами преступлений и могилами обеих жертв. Маккалеб

объяснил, что период затишья близится к концу. Впечатления от содеянного притупились, желание вновь ощутить вкус власти будет стремительно нарастать и вскоре вырвется из-под контроля. Тот факт, что неизвестный полностью одел женщин, свидетельствовал о душевной борьбе. В глубине души он стыдился совершенных преступлений – отсюда подсознательное стремление скрыть их под одеждой. Все последующие восемь месяцев он терзался противоречивыми чувствами. Жажда вновь воплотить зловещие фантазии боролась с угрызениями совести. В попытке совладать с искушением убийца мог наведываться туда, где избавлялся от своих жертв, или к месту их последнего пристанища. Маккалеб нутром чуял, что именно так и поступит неизвестный, чтобы хоть ненадолго остудить свой пыл.

Уинстон совершенно не горела желанием затевать масштабную операцию по наблюдению на основании чьей-то интуиции. Однако Маккалеб уже выбил разрешение на слежку для себя и двух агентов. Уинстон он накапал на мозги, в красках описав, что будет, если она откажется от единственной возможности вычислить преступника, пока он не нанес очередной удар. Для очистки совести Джей переговорила с лейтенантом и коллегами из Управления полиции Лос-Анджелеса, в итоге все три подразделения снарядили бригады для слежки. Прорабатывая детали операции, Маккалеб выяснил любопытную подробность: обеих женщин похоронили в Глендейле, на расстоянии сотни ярдов друг от друга. После этого он ни секунды не сомневался: неизвестный непременно объявится на кладбище.

Интуиция его не подвела. На пятые сутки дежурства Маккалеб, Уинстон и еще два детектива, укрывшись в склепе, откуда открывался обзор на обе могилы, заметили, как к кладбищу подкатил фургон. Из кабины выбрался водитель с каким-то предметом под мышкой и, перемахнув через ограду, направился туда, где покоилась первая жертва. Постоял перед надгробием минут десять и неспешно направился ко второй могиле. Судя по уверенной походке, мужчина отлично ориентировался на погосте. Поравнявшись с местом последнего пристанища второй жертвы, водитель вытащил из-под мышки предмет, оказавшийся спальным мешком, расстелил его на земле и сел, привалившись спиной к могильному камню. Детективы не стали нарушать его уединение. Все происходящее тщательно фиксировалось на камеру ночного видения. Вскоре мужчина растянул брюки и начал мастурбировать.

Его личность установили по номерным знакам раньше, чем он успел вернуться за руль. Лютер Хэтч, тридцативосьмилетний садовник из Северного Голливуда, четыре года назад освободившийся из тюрьмы Фолсом, где он отбывал девятилетний срок за изнасилование.

Так неизвестный переквалифицировался в действующего подозреваемого. Когда из его возраста вычли девять лет, проведенные за решеткой, последние сомнения отпали. Хэтч полностью соответствовал профилю VICAP. После трех недель круглосуточного наблюдения (за время которого подозреваемый еще дважды посетил кладбище в Глендейле) Хэтча арестовали при попытке затащить в фургон девушку, выходящую из торгового центра «Шерман-Оукс». В фургоне группа захвата обнаружила моток скотча и несколько четырехфутовых отрезков бельевой веревки. Получив ордер на обыск, детективы перевернули квартиру Хэтча вверх дном. Результатами кропотливых поисков стали волосы, волокна и следы засохшей слюны; анализ ДНК установил, что все они принадлежали убитым женщинам. Местные газеты окрестили Хэтча Могильщиком, и он пополнил пантеон маньяков, что так волнует воображение публики.

Опыт и интуиция Маккалеба помогли Уинстон раскрыть дело. Этот триумф еще долго обсуждали в Лос-Анджелесе и Куантико. Арест Хэтча вся наблюдательная бригада торжественно обмывала в баре. В самый разгар застолья Джей Уинстон обратилась к Маккалебу со словами: «Отныне я у тебя в долгу. Как и все мы».

Бадди вырядился так, словно его наняли для поездки в ночной клуб, а никак не в управление шерифа. Увидев приятеля в черном с головы до пят и с черным кожаным дипломатом, Маккалеб на секунду опешил.

– Что это с тобой? Язык проглотил?

– Нет, все прекрасно. Поехали.

– Точно? – выпытывал Бадди.

– Точнее не бывает. Просто не ожидал увидеть тебя в костюме. По-моему, не самая удачная экипировка, чтобы торчать целый день в машине. Может, переоденешься?

– Не-а.

– Тогда поехали.

Они уселись в серебристый «форд-таурус» – семилетний, но с отличным движком. По дороге в Уиттьер Бадди трижды пытался вывести подробности расследования, но всякий раз наткнулся на стену молчания. Устав от бесконечных расспросов, Маккалеб вовлек приятеля в давний спор о преимуществе парусников над моторными судами. До управления шерифа добрались за час. Локридж втиснул «таурус» на парковку для посетителей и выключил зажигание.

– Не знаю, сколько тебе придется куковать, – предупредил Маккалеб. – Надеюсь, ты захватил с собой книжку или губную гармонику.

– Может, мне пойти с тобой?

– Бад, давай сразу расставим все точки над «i». Мне нужен не напарник, а шофер. Вчера я спустил сотню долларов на такси и подумал, вдруг ты захочешь подзаработать. Но если ты и впредь намерен донимать меня вопросами...

– Молчу, молчу, – перебил Локридж и развел руками, как бы признавая свое поражение. – Буду тихонечко сидеть и читать. Впредь даже рта не раскрою.

– Отлично. Тогда до скорого.

В убойном отделе Маккалеб очутился аккурат к назначенному времени и в вестибюле наткнулся на поджидавшую его Джей Уинстон – стройную привлекательную блондинку на пару лет старше его самого, с прямыми волосами до плеч, в синем брючном костюме и белой блузке. Маккалеб не видел ее пять лет, с той памятной ночи, когда арестовали Хэтча. Они обменялись рукопожатиями, и Джей отвела его в конференц-зал, большую часть которого занимал овальный стол, окруженный шестью стульями. На маленьком столике у стены темнела двойная кофеварка. На овальной столешнице громоздилась кipa бумаг и четыре видеокассеты.

– Кофе? – осведомилась Уинстон.

– Спасибо, обойдусь.

– Тогда приступим. У меня двадцать минут.

Они уселись друг напротив друга. Уинстон кивнула на кассеты и бумаги:

– Это тебе. После твоего звонка я сняла копии со всех материалов.

– С ума сойти! Спасибо.

Маккалеб двумя руками придвинул к себе стопку, словно игрок в покер, сорвавший банк.

– Я переговорила с Арранго, – продолжила Уинстон. – Тот всячески убеждал меня не связываться с тобой, но я ответила, что ты лучший агент из всех, с кем мне доводилось сотрудничать, и весь наш отдел перед тобой в неоплатном долгу. Арранго, конечно, психанул, но ничего, переживет.

– Здесь материалы и по лос-анджелесскому убийству?

– Ага. Как только между двумя преступлениями наметилась связь, мы обменялись копиями с полицейским департаментом. За последние две недели Арранго не прислал мне ничего нового, поэтому тут все, чем мы располагаем на данный момент. Куча бумаг, видеозаписей и никакого проку.

Маккалеб разделил стопку надвое и принялся перебирать отчеты. Как выяснилось, две трети работы проделало управление шерифа, за полицией Лос-Анджелеса числилась лишь треть. Маккалеб ткнул пальцем в кассеты:

– А это что?

– Оба места преступления и записи с камер видеонаблюдений. Арранго сказал, что уже показывал тебе ограбление магазина.

– Да, зрелище не для слабонервных.

– В нашем случае ловить вообще нечего. Стрелок появляется в кадре буквально на пару секунд, – «обрадовала» Уинстон. – Видно только, что на нем маска. В общем, сам увидишь.

– Кстати, убийца забирал деньги из банкомата или из рук жертвы?

– Из банкомата, а что?

– Это отличный повод обратиться за помощью в Бюро. Технически купюры украли из банка, а это уже федеральное преступление.

Уинстон понимающе кивнула.

Вспомнив, что времени у собеседницы в обрез, Маккалеб поспешил взять быка за рога:

– По какому принципу оба дела объединили в одно? По результатам баллистической экспертизы?

Уинстон снова кивнула:

– Расследование шло полным ходом, когда пару недель спустя мне на глаза попалась заметка о вооруженном ограблении магазина. Многие детали совпадали. Я связалась с Управлением полиции Лос-Анджелеса, и мои догадки подтвердились. Тот же принцип, тот же пистолет, тот же грабитель. А баллистическая экспертиза внесла полную ясность.

– Одного не пойму, зачем этому парню гильзы? – протянул Маккалеб. – Пули ведь все равно никуда не денутся. Кстати, что по поводу них?

– Девятый калибр. Самый ходовой. Цельнометаллическая оболочка. Сам знаешь, отсутствие гильзы иногда затрудняет экспертизу. В нашем случае пуля прошла навылет и застряла в бетонной стене. Еле вытащили. Думаю, стрелок надеялся, что ее основательно расплющит и нам не удастся ничего установить. Поэтому он и собрал гильзы – хотел замести следы. – В голосе Уинстон слышалось нескрываемое презрение к преступнику. – Хотя мог бы не утруждаться, – добавила она. – Посмотри пленки. И без экспертизы понятно, что оба убийства совершил один и тот же человек.

– Вы или полиция Лос-Анджелеса отработали следующий этап?

– Ты про отдел огнестрела и баллистики?

– Именно. У кого все вещдоки?

– У нас. В Лос-Анджелесе сейчас зашиваются, а поскольку наше убийство по хронологии первое, улики по договоренности перекочевали к нам. Я поручила ребятам из ОБ проверить по базе на предмет совпадений, но там глухо. Ствол засветился лишь дважды. Пока.

Маккалеб чуть не обмолвился про федеральную базу «Наркотики-огнестрел»², но решил повременить. Сначала нужно отсмотреть записи, ознакомиться с материалами, а уже после лезть к Джей с советами.

От Маккалеба не укрылся взгляд Уинстон, брошенный на часы.

– Дело повесили на тебя?

– Угадал. Изначально мы вели его вместе с Дэном Систранком. Помнишь такого?

– Он вроде дежурил тогда в склепе?

– Ага, и присутствовал при задержании Хэтча. В общем, расследование поручили нам обоим, но потом подвалила новая работа. Сам понимаешь. Сейчас оно числится только за мной. Сказочное везение.

Маккалеб сочувственно улыбнулся. Знакомая история. Если дело не раскрывают по горячим следам, его вешают на того, кто подвернулся под руку.

– Тебе не устроят головомойку за передачу материалов третьему лицу?

² DRUGFIRE – автоматизированная система идентификации огнестрельного оружия для поддержки расследований серийных убийств, бандитизма и убийств, связанных с наркотиками.

– Нет. Капитан помнит, как много ты сделал для Лизы Мондриан.

Лиза Мондриан – женщина, чье тело нашли в Васкес-Рокс. Очень странно, что Уинстон назвала ее по имени. Обычно детективы стараются максимально дистанцироваться от жертвы. Берегут свою нервную систему.

– В ту пору капитан был еще лейтенантом, однако он по-прежнему ценит твой вклад в поимку Хэтча, – сообщила Джей. – Мы с ним переговорили, и он не против твоего вмешательства. Хотя, сказать по правде, мне бы хотелось отблагодарить тебя чем-то более существенным. Здесь «глухарь», Терри. Нам остается только ждать.

Иными словами, мы ждем, когда стрелок снова выйдет на охоту и, если повезет, допустит роковую ошибку. Зачастую лишь новая кровь могла пролить свет на старые убийства.

– Ладно, поглядим. Заодно разомну мозги, пока совсем не атрофировались. Кстати, чуть не забыл. О каком законе трех ошибок ты толковала по телефону?

– Больная тема. – Уинстон нахмурилась. – С тех пор как этот закон приняли в Сакраменто, преступники как с цепи сорвались. Не знаю, в курсе ты или нет, но суть такая: три тяжких, и тебя отправляют на пожизненное, без права на условно-досрочное.

– Наслышан. Я не настолько отстал от жизни.

– Тогда должен понимать, что единственное, чего они добились, – так это научили этих подонков осторожности. Например, убирать свидетелей. Благими намерениями, Терри. Если хочешь знать мое мнение, из-за этого гребаного закона погибло множество невинных людей, включая Джеймса Корделла и тех двоих в магазине.

– Думаешь, стрелок убивает целенаправленно?

– Уверена на все сто. Ты же видел запись из магазина. Никаких колебаний. Мерзавец заранее знал, на что идет. Он изначально не собирался оставлять свидетелей. Собственно, это единственная моя зацепка. На досуге я перелопатила кучу досье на грабителей-рецидивистов, дважды попадавших под статью. Ручаюсь, наш стрелок – кто-то из них. Раньше он просто грабил, теперь убивает. Повысил, так сказать, квалификацию.

– Ну и как успехи? – спросил Маккалеб.

– С досье? Да никак. Но тут два варианта: либо я найду его, либо он меня. Такие типы не останавливаются. Он хладнокровно прикончит кого угодно, лишь бы снова не загреметь за решетку. Это как пить дать. Боюсь, новое убийство не за горами. Странно, что его не случилось до сих пор, все-таки два месяца прошло. Надеюсь, в следующий раз он облажается и мы его возьмем. Возьмем рано или поздно. Клянусь. У моего потерпевшего осталась жена и двое маленьких детей. Нельзя позволить этому куску дерьма разгуливать на свободе.

Маккалеб одобрительно кивнул. Ему импонировал решительный настрой Джей. Какой контраст с пофигизмом Арранго. Он сгреб со стола кипу документов и пообещал позвонить через пару дней, как только ознакомится со всеми материалами.

– Не парься, – успокоила Джей. – Нам сгодится любая помощь.

В «форде» Маккалеб застал дивную картину. Привалившись спиной к водительской дверце и закинув ноги на пассажирское кресло, Бадди лениво выдувал на гармонике блюз, а свободной рукой листал книгу. Маккалеб распахнул дверцу и, выждав, пока приятель уберет ноги, плюхнулся на сиденье. В глаза ему бросилось название книги: «Расследует инспектор Иманиши»³.

– Быстро ты, – пробормотал Локридж.

– Да, уложились в рекордные сроки.

Маккалеб пристроил документы с видеокассетами на пол и зажал их ногами.

³ Имеется в виду детективная серия японского писателя Сэйтё Мацумото (1909–1999), основоположника социального детектива в японской литературе.

– А это что?

– Так, взял для ознакомления.

Локридж перегнулся через коробку передач и уставился на верхнюю папку. Ею оказался протокол с места преступления.

– Джеймс Корделл, – прочел Бадди. – Кто такой?

– Бадди, опять начинаешь?

– Молчу, молчу.

Уловив намек, Локридж выпрямился и завел мотор.

– Куда теперь?

– Обратно в Сан-Педро.

– Но почему? – с ноткой возмущения сказал Бадди. – Мы вроде договаривались на несколько дней. Обещаю, впредь никаких вопросов, – заверил он.

– Ты неправильно меня понял. Наш уговор по-прежнему в силе. Просто сейчас мне необходимо поскорее просмотреть бумаги.

Бадди швырнул детектив на приборную доску, сунул гармонику в пластиковый кармашек на дверце и рванул с места.

Глава 10

В салоне было гораздо светлее, чем в каюте, поэтому Маккалеб решил обосноваться там. Кроме того, на перегородке, отделявшей камбуз от салона, висел телевизор с видеоприставкой. Маккалеб разобрал захламленную столешницу, протер ее влажной губкой и бумажным полотенцем, после чего складировал на нее многочисленные папки, любезно предоставленные ему Джей Уинстон. Рядом положил разлинованный блокнот и наточенный карандаш, предусмотрительно захваченные из ящика штурманского стола.

Поразмыслив, Маккалеб решил соблюсти хронологию и начать с Джеймса Корделла. Перебрав бумаги, он отложил в сторону все, что касалось убийства Глории Торрес. Оставшиеся документы рассортировал по кучкам: первичные протоколы, список вещдоков, опросы свидетелей, неподтвердившиеся версии, отчеты, докладные записки и недельные сводки.

Еще со времен Бюро Маккалеб завел привычку полностью освобождать стол под материалы текущего расследования. Дела стекались к нему со всего Запада – иногда в виде толстых папок, иногда – тоненьких. Бонусом Маккалеб всегда просил прислать ему пленку с места преступления. Хотя толщина папок варьировалась, их суть оставалась неизменной. И всякий раз Маккалеб испытывал азарт пополам с отвращением. С каждой прочитанной страницей его одолевал гнев и неумная жажда справедливости. Повесив пиджак на дверной крюк и спрятав пистолет в ящик стола, Маккалеб запирался в своей камере и, отгородившись от внешнего мира, погружался в работу. Аналитика была его коньком. Довольно посредственный оперативник, Маккалеб умел виртуозно анализировать информацию. Открывая очередную бандероль, он ощущал трепет охотника, напавшего на след опасного зверя. И сегодняшний день не стал исключением.

При жизни Джеймсу Корделлу можно было только позавидовать. Семья, отличный дом, несколько автомобилей, великолепное здоровье, высокий достаток, позволявший его супруге не работать и всецело посвятить себя воспитанию дочерей. Корделл трудился инженером в частной фирме, получившей госконтракт на обслуживание системы акведуков, которая обеспечивала подачу талой воды из гор центрального штата в резервуары, питавшие бескрайние просторы Южной Калифорнии. Корделлы обитали в Ланкастере, на северо-востоке округа, в полутора часах езды от любой водопроводной магистрали. Вечером 22 января глава семейства возвращался из Лоун-Пайна, где с самого утра инспектировал бетонный фрагмент виадука. Был день получки, и Корделл завернул в филиал Регионального банка в миле от дома – снять наличные с зарплатной карты. Но получил выстрел в голову и умер прежде, чем банкомат закончил отсчитывать купюры. Стопка хрустящих двадцаток досталась убийце.

Ознакомившись с первоначальными протоколами, Маккалеб отметил, что прессе «скормили» более мягкую версию событий. Обстоятельства, описанные в статье, которую зачитывала по телефону Киша Рассел, мягко говоря, не соответствовали действительности. В частности, в заметке говорилось, что тело Корделла нашли спустя пятнадцать минут. Но если верить официальному отчету, раненого практически сразу обнаружил случайный посетитель, подруливший к филиалу как раз в тот момент, когда с парковки на полном ходу выезжал какой-то автомобиль – по всей видимости, принадлежавший убийце. Очевидец, Джеймс Нун, моментально вызвал из своей машины «скорую» по спутниковому телефону.

Поскольку звонок совершался через ретранслятор, диспетчер 911 не сумела автоматически определить точные координаты места происшествия и ввела информацию по старинке – вручную, умудрившись перепутать две цифры в адресе и отправив «скорую» на семь кварталов дальше. По свидетельству Джеймса Нуна, он в отчаянии наблюдал, как неотложка с ревом

промчалась мимо. Он перезвонил в службу спасения и объяснил ошибку уже другому оператору. Тот связался с врачами, но к их прибытию все было кончено – Джеймс Корделл умер.

Отложив протоколы, Маккалеб задумался. Трудно сказать, насколько критичным во всей этой истории было несвоевременное оказание помощи. Корделл получил тяжелое ранение в голову. Даже прибуди врачи на десять минут раньше, им едва ли удалось бы спасти потерпевшего. Похоже, бедняга Корделл был обречен.

Тем не менее пресса обожала мусолить огрехи экстренной службы. Еще бы, такой лакомый кусок. Дабы не разразился скандал, кто-то в управлении шерифа – вероятно, сама Джей Уинстон – решил утаить эту информацию от репортеров.

Да, диспетчер явно села в лужу, однако Маккалеба этот момент заботил в последнюю очередь. Куда больше его интересовало наличие какого-никакого свидетеля и описание автомобиля. По словам Нуна, при въезде на парковку его чуть не протаранил черный джип «чероки» в новом, более плавном корпусе. Он только успел разглядеть, что за рулем сидел мужчина с белыми или седыми волосами и в серой кепке, надвинутой на глаза.

Другие свидетели в первичных протоколах не значились. Прежде чем перейти к дополнительным отчетам и результатам вскрытия, Маккалеб решил посмотреть пленки. Он включил телевизор и сунул в прорезь кассету с записью камеры видеонаблюдения.

В нижней части экрана появился счетчик времени. Съемка велась через линзу «рыбий глаз», искажавшую изображение. В кадре возник мужчина – очевидно, Джеймс Корделл – и вставил пластиковую карту в банкомат. Лицо мужчины занимало весь экран, не позволяя разглядеть, что творится вокруг. Досадная оплошность банковской службы безопасности. Справедливости ради, такие камеры предназначались для того, чтобы запечатлеть физиономии аферистов, но никак не записи вооруженного ограбления.

Корделл ввел ПИН-код, но вдруг напрягся, бросил опасливый взгляд за спину. Очевидно, услышал, как на парковку въезжает «чероки». Осуществив транзакцию, Корделл занервничал. Мало приятно снимать наличку посреди ночи, пусть даже в ярко освещенном филиале посреди благополучного района. Сам Маккалеб пользовался банкоматом в круглосуточном супермаркете – безопасно и малоллюдно. Корделл с тревогой покосился назад, кивнул кому-то вне поля зрения и снова повернулся к терминалу. Похоже, грабитель еще не натянул маску. Несмотря на внешнее хладнокровие, Корделл впился глазами в лоток для выдачи купюр и, казалось, мысленно подгонял: быстрее! быстрее!

В следующую секунду на экране возник пистолет. Дуло уперлось в левый висок, грянул беззвучный выстрел, оборвавший жизнь Джеймса Корделла. На объектив камеры брызнула кровь. Корделл начал заваливаться вправо, цепляясь за стену, а после рухнул ничком перед банкоматом.

Стрелок шагнул в кадр и выхватил из прорези банкноты. Поймав крупный план, Маккалеб остановил запись. Последние сомнения отпали – перед ним был человек, убивший Глорию Торрес. Маска, спортивный костюм – все совпадало. Уинстон права, тут не надо никакой экспертизы. Отдел баллистики лишь документально подтвердил интуитивные догадки детективов. Оба убийства совершил один и тот же человек. Та же одежда, тот же принцип, те же бесстрастные глаза в прорезях маски.

Маккалеб снова нажал воспроизведение, и картинка ожила. Стрелок забрал купюры и, по всей видимости, сказал что-то. Правда, на сей раз он не смотрел в объектив, как в магазинчике, а стоял вполоборота к камере, поэтому едва ли его реплика предназначалась зрителю – скорее, самому себе.

Убийца быстро переместился в левый угол экрана и наклонился, чтобы подобрать гильзу. Потом метнулся вправо и исчез. Маккалеб ждал. С минуту в кадре не было ничего, кроме распростертого на тротуаре Джеймса Корделла. Под его головой растекалась лужа крови. Алый ручеек попал в стык между плитами и заструился на мостовую.

Вскоре появился третий участник драмы – Джеймс Нун, с обширной плешью на затылке и в очках в тонкой оправе. Он склонился над раненым, проверил пульс на шее и затравленно огляделся. Потом вскочил и скрылся из виду. Наверное, побежал вызывать «скорую». Мгновение спустя он снова возник в поле зрения и завертел головой, дабы удостовериться, что убийца не притаился поблизости. Наконец его взгляд переместился на дорогу, рот открылся в беззвучном крике. Нун замахал руками, очевидно, в попытке привлечь внимание неотложки, которая с ревом промчалась мимо. Сообразив, что предприятие провалилось, он снова ринулся куда-то.

Спустя семь минут (Маккалеб сверился со счетчиком времени) картинка вновь ожила. Корделла обступили двое фельдшеров. Они прощупали пульс, проверили зрачки. Потом обнажили грудную клетку, приставили к ней стетоскоп. Подбежал третий фельдшер, с каталкой, но его коллега выразительно покачал головой. Джеймс Корделл скончался.

Экран погас.

Поразмыслив, Маккалеб чуть ли не с трепетом включил запись с места преступления. Снимали явно ручной камерой. Сначала взяли крупным планом здание банка и примыкавшую к нему улицу. На парковке стояли два автомобиля: грязно-белый «шевроле-сабурбан» и машина поменьше, едва различимая на таком расстоянии. «Шевроле», по всей видимости, принадлежал Корделлу. Внушительный внедорожник изрядно запылвился после поездки по горам и пустынным дорогам вдоль акведука. На втором автомобиле, надо полагать, приехал Джеймс Нун.

Оператор запечатлел банкомат, потом объектив сместился к залитому кровью тротуару. Труп Корделла – неприкрытый, в расстегнутой рубашке, обнажавшей бледную грудь, – лежал на том же месте, где его обнаружили врачи.

Далее шли стандартные процедуры. Сначала криминалист замерил и сфотографировал место происшествия. Помощники коронера завернули тело в пластиковый мешок и водрузили на носилки. Наконец криминалист вместе с экспертом из отдела дактилоскопии тщательно исследовали все вокруг на предмет улик и отпечатков пальцев. Потом с помощью небольшого металлического штыря извлекли пулю из стены рядом с банкоматом.

Следующие кадры стали для Маккалеба приятной неожиданностью. Оператор заснял, как Джеймс Нун дает свидетельские показания. Очевидца отвели на угол, к телефонной будке, а помощник шерифа задавал ему вопросы. На вид Нуну было лет тридцать пять. На фоне собеседника он казался коротышкой, но довольно крепко сбитым. Плешь прикрывала бейсболка. Нун не стеснялся в выражениях – сказывался шок от увиденного и конфуз с неотложкой. Оператор появился в самый разгар беседы.

– Говорю вам, парня можно было спасти!

– Да, сэр, понимаю. Не сомневайтесь, виновные понесут наказание.

– Это преступная халатность! Позволить человеку умереть, хотя до ближайшей клиники сколько? Полмили?

– Мистер Нун, я всецело разделяю ваше возмущение, – терпеливо произнес помощник шерифа. – Но мы отклонились от темы. Скажите, вы не заметили ничего подозрительного до того, как наткнулись на тело?

– Я его видел. По крайней мере, думаю, что видел.

– Кого именно?

– Грабителя. Точнее, его машину.

– Сможете ее описать?

– Конечно. Черный «чероки». Новая модель, не та, что смахивает на обувную коробку.

Помощник явно растерялся, но Маккалеб моментально сообразил, что речь о «гранд-чероки», вроде того, что был у него.

– Я свернул на парковку, а он вылетел как бешеный, чуть не протаранил мою ласточку, мудила! Я ему посигналил, затормозил и сразу наткнулся на этого беднягу. Тут же позвонил в службу спасения, но они просрали мой звонок.

– Сэр, прошу вас воздержаться от ненормативной лексики. Вполне вероятно, эта запись будет использована в суде.

– Ох, извините.

– Давайте вернемся к автомобилю. Номерные знаки не разглядели?

– Если честно, не смотрел.

– Сколько человек было в салоне?

– Только водитель.

– Мужчина, женщина?

– Мужчина.

– Внешность запомнили?

– Не присматривался. Меня куда больше волновало, как избежать столкновения.

– Белый? Афроамериканец? Азиат?

– Белый, сто процентов. Больше ничего не разглядел.

– Цвет волос?

– Седые.

– Седые? – изумленно переспросил помощник шерифа.

Пожилые грабители на практике встречались крайне редко.

– Вроде бы, – замялся Нун. – Все произошло так быстро. Наверняка не скажу.

– А вы не путаете с головным убором?

– Может, и путаю, – признался Нун.

– Так седые волосы или серый головной убор? – выпытывал помощник шерифа.

– Либо так, либо так.

– Что-нибудь еще бросилось в глаза? Очки, особые приметы?

– Честно говоря, не помню. Да и внимания не обратил. Кроме того, на окнах была тонировка. Водителя я видел через лобовое стекло, да и то буквально секунду. Он же летел прямо на меня.

– Спасибо, мистер Нун, вы нам очень помогли. Надеюсь, вы не откажетесь повторить все то же самое для протокола и побеседовать с детективами?

– Разумеется, не откажусь. Я хочу помочь. Изначально пытался помочь. Сделаю все, что в моих силах.

– Благодарю за содействие, сэр. Наш сотрудник сопровождает вас в участок в Палмдейле. Я предупрежу тамошних детективов, чтобы они как можно скорее сняли с вас показания.

– Без проблем. А как быть с моей тачкой?

– Коллеги отвезут вас обратно, не сомневайтесь.

Пленка кончилась. Маккалеб вытащил кассету и погрузился в раздумья. Очень странно, что в управлении шерифа ни словом не обмолвились прессе о черном «чироки». Надо выяснить у Джей почему. Перечень вопросов в блокноте пополнился новым пунктом, и Маккалеб занялся оставшимися материалами по Корделлу.

Под улики отводилась единственная страница, да и та оказалась полупустой. К вещдокам приобщили извлеченный из стены патрон, полдюжины отпечатков, снятых с банкомата, и фотографии следов протектора шин, вероятно оставленных автомобилем убийцы. В этот же список попала запись с камеры видеонаблюдения.

В папке «Улики» лежали копии снимков протекторов и распечатанный стоп-кадр с пистолетом. Согласно отчету криминалистической лаборатории, следы шин были примерно недельной давности и не представляли ни малейшей ценности для расследования.

Баллистическая экспертиза установила, что из стены извлекли слегка расплюснутую пулю девятого калибра марки «Федерал» в цельнометаллической оболочке. К отчету была прикреплена копия страницы из протокола вскрытия со схематичным изображением черепа и траекторией пули. Она вошла в левый висок, по кувыркающей прямой пересекла лобную долю и вышла через правую височную долю. Кувыркающаяся пуля оставила после себя канал шириною в дюйм. Дочитав до этой фразы, Маккалеб сокрушенно вздохнул. Пожалуй, оно и к лучшему, что медики опоздали. Даже если бы им удалось спасти Корделла, остаток жизни он бы провел овощем в каком-нибудь доме инвалидов.

К баллистическому отчету прилагался увеличенный снимок пистолета. Хотя большую его часть скрывала затянутая в перчатку ладонь стрелка, эксперты по огнестрелу распознали в нем девятимиллиметровый «Хеклер и Кох Р7» с четырехдюймовым дулом и никелированным стволом.

Маккалеб задумчиво поскреб в затылке. «Хеклер-кох» – удовольствие не из дешевых, в специализированных магазинах за него просили порядка тысячи долларов, уличные грабители пользовались пушками попроще. Если только стрелок не стянул его во время какого-нибудь раннего налета. Джей Уинстон – отличный профессионал, наверняка она успела проработать эту версию. Маккалеб полистал оставшиеся протоколы и вскоре нашел, что искал. Джей делала запрос на уголовные дела по всему округу, где фигурировал украденный «хеклер-кох». Увы, на этом все заглохло. Зачастую пострадавшие не заявляли о краже оружия, поскольку сами владели им незаконно. Тем не менее Маккалеб (как, надо полагать, и Уинстон) внимательно изучил все пять заявлений за минувшие два года – фамилии, адреса, но не обнаружил ничего любопытного. Никаких зацепок. Все пять дел оказались классическими «глухарями» без единого подозреваемого. Очередной тупик.

Следующим шел список черных «гранд-чероки», угнанных за прошлый год. Очевидно, марка автомобиля также повергла Джей в недоумение – тот, кто рассекает на машине бизнес-класса, не убивает ради трех сотен. Угнанных «чероки» набралось двадцать четыре, но, судя по отсутствию дополнительных отчетов, Уинстон отмела эту версию. Скорее всего, это случилось после убийства Глории Торрес. Автомобиль, упомянутый Добрым Самаритянином, очень смахивал на «гранд-чероки». Если стрелок не избавился от него после нападения на Джеймса Корделла, велика вероятность, что машина не числится в угоне.

Маккалеб быстро пролистал протокол вскрытия, на который не возлагал особых надежд. Патологоанатомы обычно углублялись в описание внутренних органов и состояние здоровья потерпевшего при жизни, а всю необходимую для следователей информацию вписывали в заключение. Однако в случае Корделла все было очевидно и без вскрытия. Тем не менее Маккалеб ознакомился с заключением, но ничего существенного не почерпнул. Обширное повреждение головного мозга привело к смерти Корделла спустя несколько минут после выстрела.

Маккалеб отложил отчет патологоанатомов и взялся за протоколы, посвященные теории трех ошибок. Исходя из предположения, что убийца – бывший заключенный, напуганный перспективой получить пожизненное, Джей Уинстон отправила запросы всем инспекторам по УДО в Ван-Найсе и Ланкастере и получила досье на всех нецветных вооруженных грабителей, дважды отбывавших тюремный срок. По новому закону в случае очередного преступления им грозило пожизненное наказание. Таких в ближайшем радиусе от места происшествия набралось семьдесят один человек, и за всеми ними надзирали два инспектора.

Вместе с помощниками шерифа Уинстон методично отработала всех. Согласно отчету, следователи наведались практически к каждому, не считая семерых, чье местонахождение установить не удалось. Эти семеро нарушили режим условно-досрочного освобождения: либо покинули район предписания, либо скрывались и, вполне вероятно, уже совершили новое ограбление, если не убийство. На «бегунков» по всей стране разослали ориентировку. Из шестидесяти четырех опрошенных рецидивистов только восемь не смогли подтвердить свое

алиби, однако их все равно вычеркнули из списка подозреваемых, поскольку их физические габариты не соответствовали параметрам стрелка.

За исключением семерых беглых рецидивистов, версия с тремя ошибками зашла в тупик. Очевидно, Уинстон надеялась, что кто-то из семерки окажется причастным к убийствам и рано или поздно попадет в руки правосудия.

Маккалеб раскрыл протокол допроса Джеймса Нуна, составленный непосредственно в управлении шерифа. Ничего нового очевидец не добавил.

В стопке оставалось схематическое изображение места преступления и четыре протокола допросов водителей черных «чероки», остановленных предупрежденными по внутренней связи инспекторами ДПС в Ланкастере и Палмдейле спустя час после ограбления. Всех водителей (оказавшихся законопослушными гражданами) пробили по базе и отпустили с миром, не забыв отчитаться перед Джей Уинстон.

В самой последней папке лежало заключение за подписью Уинстон. Лаконичное и краткое: «Все имеющиеся версии отработаны, подозреваемые не выявлены. Старший инспектор прекращает расследование до появления новой информации, способной привести к установлению личности преступника».

Уинстон уперлась в стену и затаилась в ожидании свежей крови.

Анализируя прочитанное, Маккалеб барабанил пальцами по столу. Джей действовала очень грамотно, не придерешься, однако наверняка она не учла что-то, упустила какую-нибудь деталь, и его задача – отыскать эту брешь. Обидно, что версия с тремя ошибками заглохла. Можно вообразить, как расстроилась Уинстон, не найдя потенциального убийцу среди почти сотни рецидивистов. Хотя настораживал сам факт, что большинство из них имели безупречное алиби. Причем на момент совершения обоих преступлений. С каких пор закоренелые преступники могут по минутам расписать тот или иной вечер, да еще и подтвердить свои слова? Маккалеб привык не доверять чужим алиби – слишком легко их фальсифицировать.

Пораженный внезапной догадкой, Маккалеб перестал выбивать пальцами дробь и веером разложил на столе протоколы по делу Корделла. Однако перечитывать их не стал, потому что искомой информации в стопке не было. По какой-то причине Уинстон упустила из виду топографический аспект.

Маккалеб спустился на причал и поспешил к паруснику, где застал Локриджа за починкой гидрокостюма.

– Подвернулась другая работенка, Бадди?

– Парень с миллионерского причала попросил отдраить его «бертрам». Шестидесятая модель, между прочим. Но если тебя нужно куда-то подбросить, никаких проблем, время терпит. Хозяин все равно появляется здесь раз в месяц.

– Нет, я по другому вопросу. Не одолжишь мне атлас? Мой в машине, а распаковывать ее лень.

– Бери, конечно. Он в салоне.

Локридж достал из кармана ключи от машины и бросил их Маккалебу. По пути к «тау-русу» Терри заглянул в миллионерский док с широкими, длинными эллингами, сконструированными специально для внушительных яхт, дрейфовавших на набережной Кабрийо. «Бертрам-60» выделялся из общего ряда. Роскошное судно. Маккалеб отлично знал, что хозяин выложил за него полтора миллиона долларов, хотя в море выходил не чаще раза в месяц.

Отыскав в «форде» атлас и вернув Бадди ключи, Маккалеб снова засел за протоколы. Сверяясь с пронумерованным списком угнанных «чероки» и похищенных пистолетов, он нанес территориальные отметки на карту, после чего взялся за перечень рецидивистов, отметил их домашние и рабочие адреса, а напоследок обозначил локации обоих ограблений.

Маккалеб трудился битый час, и его усилия оправдались. Один из рецидивистов находился в непосредственной близости от «Шерман-маркета» и от места, где украли «хеклер-кох».

Маккалеб раскрыл досье на подозреваемого. Михаил Болотов, тридцатилетний эмигрант из России, уже отмотавший в калифорнийских тюрьмах два срока за вооруженные налеты, жил и работал в Каног-Парке. Его дом располагался на Де-Сото-авеню неподалеку от Шерман-уэй, буквально в миле от магазинчика, где убили Глорию Торрес и Чана Хо Кана. Трудился Болотов на часовой фабрике на Уиннетка-авеню, что в восьми кварталах южнее и в двух кварталах восточнее места происшествия. Однако особенно воодушевляло, что фабрика находилась всего в четырех кварталах от дома, откуда в декабре похитили «хеклер-кох». Из заявления потерпевшего следовало, что грабитель украл подарки из-под елки, включая новенький пистолет, который хозяин дома планировал презентовать супруге на Рождество. Ушлый вор не оставил после себя ни отпечатков, ни улики.

Маккалеб внимательно изучил отчеты инспектора по УДО и заключение следователя. У Болотова оказался богатый послужной список, однако в нем ни разу не фигурировало покушение на убийство. Более того, все три года после последней отсидки он вел себя тише воды ниже травы, регулярно отмечался у курирующего офицера и, похоже, всерьез встал на путь исправления.

Через две недели после смерти Корделла (и почти за три недели до убийства Глории Торрес) Болотова допрашивали на рабочем месте Ритенбах и Агилар, следователи из управления шерифа. Однако допрос проводился до того, как Уинстон занялась похищенными пистолетами. Наверное, поэтому никто не обратил внимание на географию преступлений.

Следователей, по всей видимости, удовлетворили ответы Болотова, а непосредственный начальник подтвердил его алиби, сообщив, что в день убийства Корделла Михаил присутствовал на смене с десяти вечера до двух ночи. Более того, Ритенбаху и Агилару предоставили платежные ведомости и карточки учета с указанием отработанных часов. Документы вкупе с показаниями начальника убедили следователей окончательно. Корделл погиб в десять минут одиннадцатого, даже на вертолете Болотов не успел бы добраться из Каног-Парка до Ланкастера. Успокоенные, Ритенбах и Агилар взялись за следующего кандидата на пожизненное.

– Полная хрень, – буркнул Маккалеб, испытывая всплеск адреналина.

Что-то начинало вырисовываться. Несмотря на платежные ведомости и прочее, Болотова рано сбрасывать со счетов. Михаил по натуре вооруженный налетчик, а никак не часовщик. И проживает он неподалеку от ключевых мест преступления. Пожалуй, стоит заняться им вплотную. Маккалеб чувствовал, что напал на след. Будет о чем переговорить с Джей Уинстон.

Он быстро начеркал свои догадки в блокноте и отодвинул его в сторону. Напряженная умственная работа отозвалась усталостью и нарастающей головной болью. Маккалеб посмотрел на часы и с удивлением обнаружил, что уже два часа. Время пролетело совсем незаметно. По-хорошему надо бы перекусить, но аппетита не было. Маккалеб решил вздремнуть и побрел в каюту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.